

"Мир праху твоему, честный труженик"
или
путеводитель по Морскому кладбищу

Rest in peace honest worker
or Naval cemetery in pictures

А.А. Хисамудинов

«Мир праху твоему, честный труженник»

или

путеводитель по Морскому кладбищу

Владивосток

Издательство Дальневосточного университета

2016

УДК 34
ББК 63.3(2)
Р 385

Амир А. Хисамутдинов

Р 385

«Мир праху твоему, честный труженник» или путеводитель по Морскому кладбищу
/ А.А. Хисамудинов; Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2016. с.: ил.

ISBN

Настоящее издание является кратким путеводителем по начальной истории Морского кладбища во Владивостоке.

Автор останавливается на наиболее известных захоронениях. Публикация посвящена памяти краеведа Виталия Сергеевича Гришечкина (1927 – 2015), который много лет занимался исследованиями истории Морского кладбища.

В книге использованы редкие исторические документы и фотографии.

Ключевые слова: Морское кладбище. В.С. Гришечкин (1927 – 2015), краеведение Владивостока.

УДК 34
ББК 63.3(2)

ISBN

© Хисамудинов А.А., 2016.
© ООО «Издательство
Дальневосточного университета», 2016.

Amir A. Khisamutdinov
“Rest in peace, honest worker”, or the Naval Cemetery in pictures

This work is a concise guide to the early history of the Naval Cemetery in Vladivostok. The author dwells on the most famous tombs. This publication is dedicated to the memory of local historian Vitaly Grishechkin (1927 - 2015), who for many years engaged in research on the history of the Naval Cemetery. There are rare historical documents and photographs included.

Keywords: Vladivostok Naval cemetery, V. S. Grishechkin (1927 - 2015), Regional Studies of Vladivostok.

© Khisamutdinov A.A., 2016.

Содержание

Предисловие.....	9
Охраняющий покой: Смотритель Псарев.....	10
Память о Русско-японской войне	11
Иностранные захоронения.....	14
Военное кладбище	23
Лютеранин Румпетер	25
Могила «труженика» Евгения Панько-Максимовича.....	26
Последний бивак Владимира Арсеньева	27
Могила бывшего начальника поста Владивосток	30
Памятник «морскому волку» Фридольту Геку.....	35
Память о конфликтах и борьбе со стихией.....	41
Аллея большевиков или вместе с бывшими врагами	48
Подводная лодка	54
Писатели и артисты	57
Ученые и краеведы	58
Капитаны	65
Женский монастырь	68
Послесловие	70

*Посвящается Виталию Сергеевичу Гришечкину.
«А на кладбище все спокойненько»*

Предисловие

Когда мы подъезжали к Морскому кладбищу, на языке вертелась песня Владимира Высоцкого: «*А на кладбище все спокойненько, абсолютная благодать...*». На самом же деле не все так спокойно в истории старейшего Владивостокского кладбища. Моим гидом был краевед Виталий Сергеевич Гришечкин, который много лет разбирал белые пятна этого кусочка приморской земли, открытого 23 сентября 1903 года.

По мемориальному участку можно изучать историю не только Владивостока, но всей России¹. Старая часть кладбища, занятая теперь могилами бывшего партийно-хозяйственного актива и участников Гражданской войны, уже имела один слой захоронений, где лежали останки морских офицеров. Те, кто копал могилы на мемориальном участке, хорошо знает об этом. К сожалению, подавляющее число могил (начала 20 века) безвозвратно утеряны.

Морское кладбище является одним из самых больших и исторически значимых достопримечательностей города Владивостока. Многие надгробные памятники имеют не только историческую значимость, но и ценность как произведения культовой архитектуры и искусства. Датой возникновения, мемориального участка, считается времена русско-японской войны. Командованием Владивостокской крепости были отведены два смежных участка земли, на северо-восточном склоне горы Монастырской, для захоронения солдат и офицеров действующей армии, погибших в море и на полях сражений. Первыми захоронениями стали братские могилы моряков: крейсера «Россия» и «Громобой», а также солдат 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. По проекту военно-морского ведомства, в 1908 году в центре кладбища был возведен «Храм-памятник морякам, на море утонувшим и в сражениях убиенным», освященный во имя иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радость». На этом месте возник участок почетных захоронений.

Постепенно рядом и вокруг алтаря стали хоронить наиболее заслуженных героев прошедшей русско-японской войны, а затем и известных гражданских деятелей. В 1991 году на этом кладбище перезахоронили контр-адмирала Е.С.Бурачка, второго командира порта Владивосток, чьи останки перевезли во Владивосток из Санкт-Петербурга. В октябре 1954 года сюда с Эгершельда перенесли останки В.К.Арсеньева. Несмотря на авторитет и славу путешественника, с его памятника неоднократно сбивали крест. Также нашли последний приют на Морском кладбище множество известных владивостокцев: капитаны М.В. Готский, Е.Д. Бессмертный, А.И. Щетинина, художник А.В. Телешов, писатели Г.Г. Халилецкий, А.А. Романовский и многие другие. Так и возник мемориальный участок кладбища.

Еще при жизни В.С. Гришечкин опубликовал свои находки по истории Морского кладбища, обнаруженные в основном в архивных документах². Сегодня их можно дополнить сведениями из Интернета: если хорошо порыться во всемирной сети, то там можно обнаружить интересные факты по истории этого погоста. В частности, общество некрополистов рассказало в фотографиях свою историю кладбища³.

***Автор благодарит Екатерину Романову за помощь в издании настоящей книги.
Хисамутдинов, Амир Александрович — доктор исторических наук,
профессор Дальневосточного федерального университета.
Владивосток. Email: khisamut@yahoo.com***

1. Морское кладбище и его мемориальные участки / Обертас В.А. Памятники истории и культуры города Владивостока: материалы к своду / В.А. Обертас, В.К. Моор, Е.А. Ерышева. Владивосток, 2012 . С. 182 –199.
2. Гришечкин В. Морское кладбище: прошлое и настоящее. Владивосток, 2010. 119 с.: ил.
3. Ершов Д. Морское кладбище во Владивостоке. <http://www.necropolociety.ru/cemetery-morskoye.html>

Охраняющий покой: Смотритель Псарёв

Первым делом Виталий Сергеевич подвёл нас к могиле первого смотрителя кладбища бывшего фельдфебеля и георгиевского кавалера Григория Васильевича Псарёва. Краевед рассказал, что потомки смотрителя любезно поделились с ним интереснейшими сведениями из истории Морского кладбища.

Известно, что Григорий Васильевич Псарёв родился в Крещение 1880 году на Орловщине. Во Владивосток Григорий Васильевич приехал после окончания Русско-Японской войны. От своего раненного командира, еще в Маньчжурии, Григорий Васильевич получил рекомендательное письмо для командира Владивостокского порта, и тот в связи с этим предложил хорошую работу, оплата которой составляла в год 420 рублей. До этого, Григорий Васильевич несколько недель проработал в гидрографической службе Восточного океана, там он участвовал в промерах в заливе Петра Великого. Но для такой работы ему не хватало грамотности. И Григорий вновь обратился к командиру, который и предложил «дремучее место» смотрителя в тогда еще создаваемом кладбище, которое даже не имело название. Жалованье было 35 рублей в месяц, эти деньги считались весьма большими в те годы. Сам Григорий говорил, что на эти деньги нужно было ищачить в родной Орловщине целый год. И он решил не возвращаться в Орловскую губернию, и остался во Владивостоке на службе сторожа Морского кладбища¹.

На снимке: могила Псарёва Григория Васильевича 19.01.1880 – 30.01.1970, Псарёвой Марфы Евтихиевны 20.06.1892 – 26.05.1960, Псарёва Анатолия Григорьевича 19.10.1937 – 23.05.1948, Псарёвой Александры Дмитриевны 04.12.1927 – 15.01.2001.

1. Цит по: Холодный С. Здесь покоятся герои «Варяга» // Боевая вахта. 19.

Память о Русского-японской войне

В 1904 году крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец», стоявшие в корейском порту Чемульпо, подверглись вероломному нападению японской эскадры. Отвергнув предложение о сдаче в плен, крейсер и канонерская лодка вышли на внешний рейд и вступили в бой с 14 военными кораблями японской эскадры. Русские моряки потопили один японский миноносец и нанесли урон трём крейсерам, но сами при этом получили тяжёлые повреждения. Израненные, но не покоровившиеся «Варяг» и «Кореец» вернулись в бухту Чемульпо. Моряки предпочли принять бой и пойти на верную смерть, чем спустить Андреевский флаг и покрыть свою честь позором. Чтобы не дать противнику захватить поврежденный корабль, было решено затопить крейсер, а канонерскую лодку взорвать.

В декабре 1911 года прах героев-моряков, первоначально похороненных на берегу бухты Чемульпо, был перевезён во Владивосток и в торжественной обстановке захоронен на Морском кладбище. Хоронили героев «Варяга» по русскому воинскому обычаю, со всеми почестями. Гробы, покрытые Андреевскими флагами, сопровождали матросы и тысячи горожан.

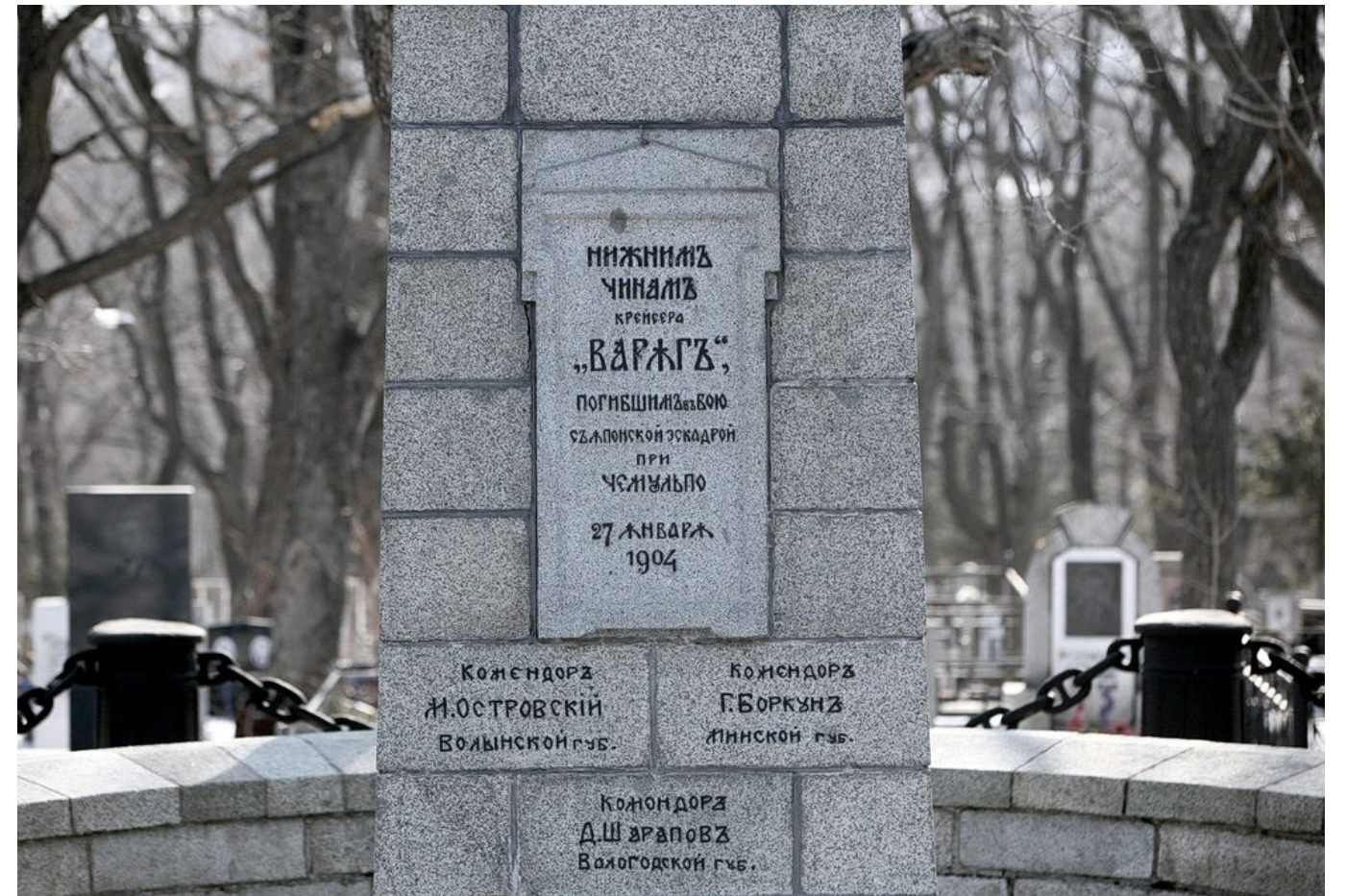
Священник Богословский выступил с речью: *«Приветствуем возвращение Ваше на родную землю великие мертвецы! Вас в лице товарищей по оружию моряков встречает сама Родина-мать, дорогих своих погибших героев «Варяга» и «Корейца». Корабли Ваши, стоя на часах и на страже Родины, за честь Родины и флота приняли вызов на смертный бой, не считая врагов. Господь не судил победы, и Вы и корабли Ваши погибли смертью храбрых. Кости Ваши нашли временный покой на чужбине. Но Вас там не забыла Родина и вот теперь Вы ляжете в родную землю, в своей семье моряков и под сенью Святого храма. Здесь осеняемые храмовой иконой «Всех скорбящих радостей» уже покоятся безмятежно и мирно в своих преждевременных могилах Ваши товарищи, пришедшие сюда на край государства Русского из родных уголков обширного Отечества, но коим Господь тоже не судил возвратиться в дома отцов. Тут же улягутся и другие принявшие кончину в мирное или военное время, улягутся рядом, как воины-братья и будут лежать под стройными рядами крестов рука об руку, как живые в строю. Вот на этом братском кладбище и Ваша новая тихая пристань — у самого алтаря Божьего храма. А на стенах храма имена Ваши будут начертаны на мраморных щитах «Да нас всех в их душе и вере и единомыслии утвердят» (Из молебна в день Рождества Христова). Приходите сюда, воины христоробивые, преклоните колена и помните погибших братьев. Бессмертный же подвиг напишите в сердце своем, чтобы он служил Вам примером, когда Державный вождь призовет Вас, также стоящих здесь на передовом оплоте, на страже и на часах у Родины, призовет на защиту ее чести, славы и благоденствия. Они, герои «Варяга» и «Корейца», в минувшую войну принесли свою жизнь, как первую и чистую жертву долга перед Государем и Отечеством, первые сложили свои головы к подножью Андреевского знамени в неравном бою при Чемульпо. За ними в последующих боях, воодушевляясь их беззаветной доблестью и повторяя их подвиг, также покорно и самоотверженно слагали свои головы новые и новые бойцы — моряки всех отраслей морской службы, всюду, куда посылал их служебный долг. Над тысячами из них сомкнулась безжалостная волна, их разметали бури... Помяни их Господи в царствие Твоем! Веруем, что всех их встретить в день праведного своего воздаяния, как праведную жертву сам Христос. «Благой раб и верный вними в радость Господа твоего, ибо по заповеди Господней положили они душу свою за други своя» (Иоанн, 15, 13) За великое имя Родины. Вот здесь в самоотверженном осуществлении евангельского призыва, наши великие мертвецы дают и после без победной войны утешение матери — Родине и надежды на светлое будущее. «Сеется не в честь, возрастает к славе, сеется в немощи возрастает в силе». Пусть будет разбито тело флота, но осталась жива непобедимая душа его, пока не перевелись такие мученики долга и доколе пребудет крепка в вас и соотечественниках благодарная память и благовейное почитание таковых мучеников — героев. Этот незримо витающий над сими гробами живой непобедимый дух, завещанный вам, как милость Ильи пророку Елисееву, восставить могущество флота, уврачуется его раны, и древний Андреевский флаг поднимется выше прежнего и никогда не вырвут его и не понесут другие. Опустим же в недра земли дорогие останки героев. Да будет легка им родная земля! И да будет им вечная память!»¹.*

1. Богословский А. Речь при встрече и погребении останков героев «Варяга» и «Корейца», сказанная протоиереем Сибирского флотского экипажа // Дальний Восток. 1911. 18 дек.

На могиле героев установлен памятник, который представляет собой обелиск в виде четырехгранной пирамиды из блоков серого гранита с квадратным ступенчатым стилобатом в основании. Обелиск завершается четырьмя килевидными кокошниками, над которыми водружён гранитный георгиевский крест. На боковых гранях обелиска славянским шрифтом высечены фамилии и имена погибших моряков, на лицевой грани-рельефная мемориальная надпись: «*Нижним чинам крейсера «Варяг», погибшим в бою при Чемульпо 27 января 1904»*».

Площадка, на которой стоит памятник, окаймлена с тыла полукруглым в плане парапетом из гранитных блоков. Можно сказать, что это уже не памятник, а монумент (если под монументом подразумевать произведение более широкого общественного звучания, устанавливаемое в честь каких-либо событий и явлений и отражающее их в особо величественных, значительных формах).

Кстати, где-то здесь рядом с памятником находится и братская могила нижних чинов с крейсера «Рюрик», которая была утеряна в беспамятные годы. Да и памятнику варяжцам тоже не повезло. Несколько раз варвары пытались уничтожить каменный георгиевский крест, но обломать смогли только его кончики.

На снимках: памятник нижним чинам крейсера «Варяг». Всего погребено 12 чел. (по документам)¹. На памятнике указаны фамилии 15 чел. Перезахоронение останков состоялось 17 декабря 1911 г. Памятник построен в 1912 г.

1. В.С. Гришечкин «Морское кладбище: прошлое и настоящее». Владивосток, 2010.

Иностранные захоронения

Чешские legionеры. Едва пробравшись по тропке, заваленной старыми металлическими венками и мусором, мы подошли к так называемому «участку интервентов». От бетонных памятников так и веяло трагедией, которой суждено было случиться на приморской земле. Не только сынам России, но и солдатам других стран, пришлось заплатить своей кровью за участие в гражданской войне.

Территория, на которой расположены братские могилы и индивидуальные захоронения чешских legionеров, погибших в 1919 году во время гайдовского восстания во Владивостоке и в 1920 году во время борьбы с партизанами, имеет крестообразную форму и обрамлена декоративной бетонной оградой в стиле модерн. В центре кладбища сооружен памятник-obelisk в виде узкой восьмигранной пирамиды, стоящей на пьедестале прямоугольного очертания. Пирамида увенчана скульптурой орла с распростертыми крыльями. Перед обелиском установлена статуя legionера — римского воина в плаще с опущенным мечом в правой руке, склонившего голову. Она пострадала уже в те далекие годы, ей отбили руку, в которую был вложен символический кусок земли. Памятник расположен на квадратном ступенчатом стилобате. Кто лежит под забытыми могилами, похожими на камуфляжные холмики, неизвестно. Они изготавливались в недавнее время к приезду именитых делегаций из других стран.

В ноябре 1917 года, когда в России вспыхнула гражданская война, чехословацкий армейский корпус заявил о своём нейтралитете относительно внутриполитических вопросов России и заключил с новым советским правительством договор об уходе во Францию через Владивосток. Однако в конце апреля 1918 года под давлением Германии чехословацкие передвижения войск практически прекратились. Советское правительство отдало местным советам приказ расстреливать на магистрали каждого вооруженного чехословака. В момент нападения чехословацкий корпус оказался растянутым по всей длине Транссибирской магистрали, разорванным на шесть изолированных друг от друга групп. Солдаты предотвратили попытки большевиков расформировать их воинские части, заняли железнодорожные станции, где стояли их поезда, вооружились из захваченных складов и стали пробиваться к остальным группам для воссоединения. Из-за внешнеполитических соображений Владивостокская группа выступила против большевистского правительства лишь в июне 1918 года, и после прихода ей на смену японских дивизий группа воссоединилась с формированиями Восточной группы, и таким образом вся Транссибирская магистраль оказалась в чехословацких руках. Главным успехом чехословаков стала нейтрализация немецких, австрийских и венгерских военнопленных в российских лагерях в Сибири и в Казахстане. Наряду с приходом американской армии во Францию успех чехословаков сыграл решающую роль в окончательном изменении соотношения сил в первой мировой войне в пользу Антанты. А также способствовал международному признанию чехословацкого суверенитета.

Уход за захоронениями павших однополчан начался среди чехословацких legionеров в России спонтанно. Таким образом, возникли кладбища и памятники в Челябинске, Нижнеудинске, Иркутске, Владивостоке и других местах. Для достойного увековечения памяти павших чехословаков возникли три скульпторские мастерские: в Челябинске, Иркутске и во Владивостоке. По чертежу стрелка Яна Странского возник проект памятника, автором которого стал чешский архитектор Войтех Коубек.

Шестигранная пирамида является символом почтения чехословацким legionерам. Торжественное открытие памятника состоялось 1 мая 1919 года при многочисленном участии legionеров, штаба дальневосточного командования и представителей союзнических войск.

Центральный памятник украшен надписью «вечная память павшим чехословакам» на чешском, русском, французском и английском языках и чешской надписью «здесь покоимся мы, чехословаки, павшие в бою за права и свободу. Вечная стража чести и славы нашего народа».

*На снимке: Чешское интервентское кладбище.
Памятник на братской могиле. Установлен в 2005 г.*

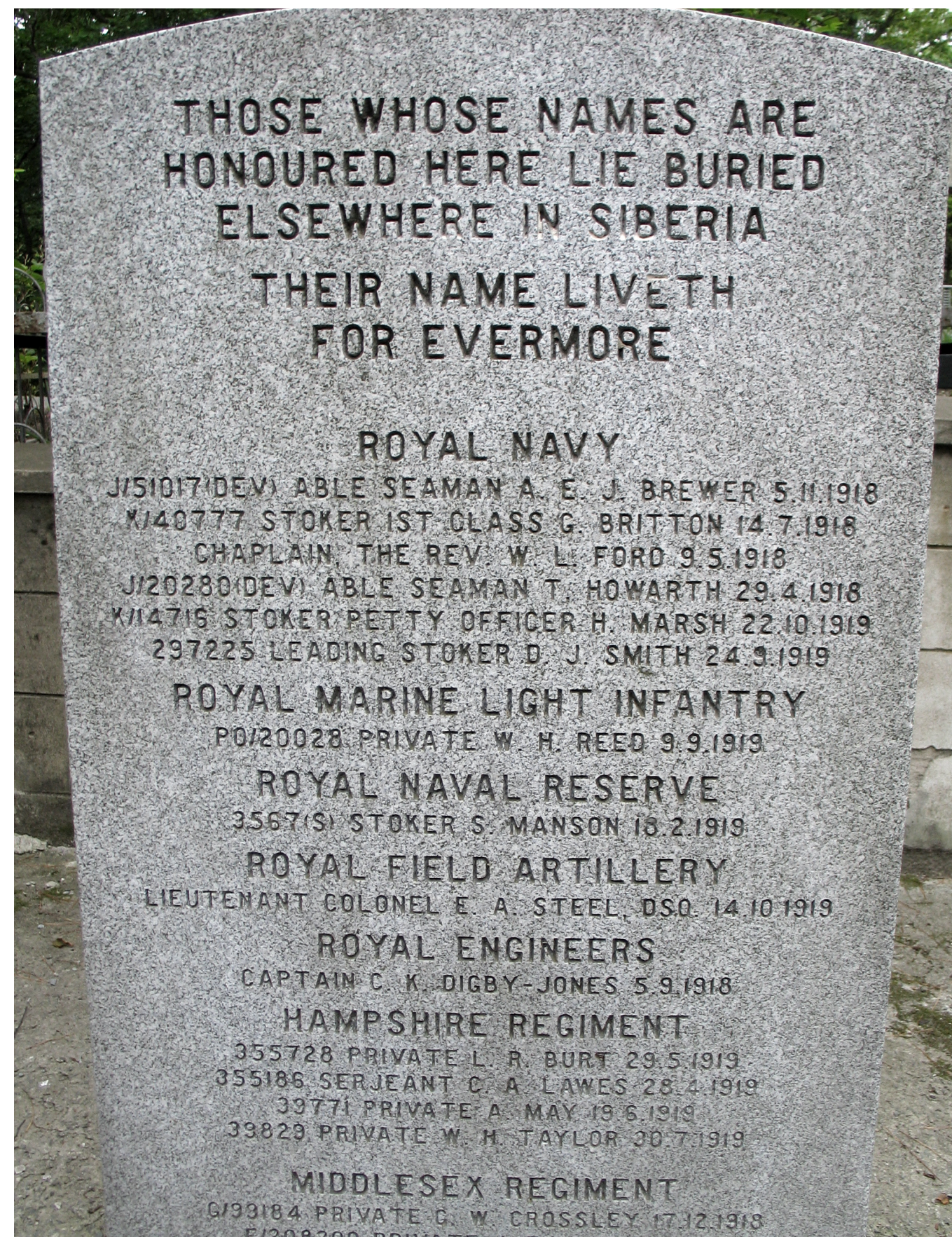

На снимках: Чешское интервентское кладбище. Памятник в центре кладбища.

Британские и Канадские захоронения. На территории по продольной оси кладбища проложена аллея, вдоль которой расположены в два ряда надгробия из натурального камня в виде низких стел, на лицевых гранях которых выгравированы имена погибших. В квадратном центре сооружен общий памятник — каменный четырехконечный крест, установленный на усеченной четырехгранной пирамиде.

*На снимке: Англо-канадское интервентское кладбище.
Общий памятник в центре кладбища.*

*На снимке: Англо-канадское интервентское кладбище.
Стелла у входа на кладбище. Установлена в 2000-х гг.*

На снимке: Англо-канадское интервентское кладбище. Общий вид. На огороженной территории находится 87 отдельных захоронений английских и канадских солдат и офицеров погибших в Приморье в 1918–1919 гг. во время боевых действий против советских войск и партизан.

Исчезнувшие японские могилы. 27 сентября 2000 года во Владивостоке на Морском кладбище состоялась церемония поминовения усопших японских граждан. В ней принимали участие родственники погребённых, специалисты Министерства здравоохранения и социального обеспечения Японии, а также представители администрации Приморского края.

С сентября 1945 года по март 1950 года на территории Приморского края были захоронены на различных кладбищах более 6 тысяч умерших японских граждан. Основные захоронения находятся в районах городов Артема, Арсеньева, Владивостока, Партизанска, Уссурийска, а также посёлка Кавалерово. Там находились лагеря для военнопленных — военнослужащих Квантунской армии. Некоторые из них закончили в Приморье свой жизненный путь и были преданы земле.

Правительства Советского Союза и Японии подписали в 1991 году «Соглашение о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных». Российская сторона обязалась передать японской всю интересующую информацию о бывших военнопленных, также был затронут вопрос вывоза останков погибших в лагерях военнопленных на родину.

На основании названного соглашения между администрацией Приморского края и Министерством здравоохранения и социального обеспечения Японии был подписан договор об оказании содействия японским специалистам в проведении обследования мест захоронений и сборе останков японских граждан. С тех пор Приморье посетило 13 делегаций Министерства здравоохранения и социального обеспечения Японии. Они разыскивали места захоронений своих соотечественников и приводили их в порядок.

Японская сторона получила согласие на вывоз в Японию не кремированных останков родственников¹. Тогда впервые были вывезены в Японию не кремированные останки. Те, которые удалось идентифицировать, попали в руки родственников, неизвестные — с почестями преданы земле на кладбище в Токио.

1. Ситникова Т. Японцы разыскивают в Приморье захоронения своих соотечественников : В конце номера // Независимая газета. 2000. 28 сент.

Военное кладбище

В дореволюционном периоде на кладбище всё было чётко распределено, кому где лежать. Иудеи, мусульмане, католики и представители прочих религий находили здесь своё отдельное место. Когда-то, прямо через дорогу от Морского кладбища, располагалось ещё одно — Военное. От старого Военного кладбища осталась одна могила. Кто за ней ухаживал и поставил оградку на могиле — неизвестно.

На снимке: могила К.Миглевской. На монументе выбито: «Дочь подполковника 9-го Восточно-Сибирского полка Ксения Миглевская 1891-1909».

Лютеранин Румпетер

Выдающимся деятелем лютеранской церкви во Владивостоке был Август Петрович Румпетер — священник. Он родился 18 ноября 1849 года, и происходил из крестьян Лифляндской губернии. Окончил богословский факультет Дерптского университета. С 29 декабря 1886 года он был преподавателем немецкого языка во Владивостокской прогимназии. С 1885 года действительный член ОИАК. Летом 1886 года занимался устройством сада на примыкающем к бухте участке земли, где была представлена флора южного Приморья (около трети древесных видов).

Лютеранский пастор, скончавшийся в июле 1912 года, имел самый большой приход в мире: от Уральских гор до Камчатки. Румпетер был известен владивостокцам своей любовью к людям и цветам. Недалеко от музея Общества изучения Амурского края (ул. Петра Великого, 6) он в своё время разбил прекрасный цветочный сквер.

Останки Румпетера перезахоронили на Морском кладбище в 30-е годы, когда была закрыта кирха на Светланской, в ограде которой изначально лежал его прах. Кирха была закрыта по причине отсутствия «коллектива верующих, взявших её на содержание». За скупой строкой этого документа скрыт тот факт, что почти все лютеране были арестованы, часть их расстреляна или отправлена в лагеря. А причиной этой жестокости послужило то, что небольшая толика средств на содержание местного пастора и покупку книг приходили во Владивосток из Германии, поэтому все прихожане были записаны в «немецкие шпионы». Но, очевидно, кто-то из них уцелел, потому что позднее на Морское кладбище был перенесён из ограды лютеранской кирхи прах и мраморный памятник пастору Карлу Августу Румпетеру, благодаря которому и было построено красивое здание кирхи.

Кто-то из прихожан вовремя побеспокоился о своём пастыре. Но спустя несколько лет мраморный крест с его могилы был свален, и только усилиями активистов общества охраны памятников был поднят вновь. К памятнику Румпетера притулился безымянный крест, изготовленный из чугуна. Сколько же здесь этих безымянных свидетельств давнишней скорби?

На снимке: могила Карла Августа Румпетера (18.11.1849 — 28.07.1912).

Могила «труженика» Евгения Панько-Максимовича

Люди всегда склонны относиться с большим уважением к старинным захоронениям. Увы, их сохранилось не так уж много. Вокруг могилы устроена ограда из якорной цепи, висящей на каменных столбиках. К монументу в виде сломанной мачты прикован маленький адмиралтейский якорек. И хорошо, что прикован, иначе его бы тут давно уже не было.

На памятнике выбито: «Здесь покойся тело Евгения Александровича Панько-Максимовича. (Род. 10 сент. 1869 г. Ум. 28 сент. 1909 г.) Мир праху твоему, честный труженик».

На снимке: могила Евгения Александровича Панько-Максимовича.

Последний бивак Владимира Арсеньева

«Просьба! Убедительно и горячо прошу похоронить меня не на кладбище, а в лесу и сделать следующую надмогильную надпись: «Я шёл по стопам исследователей в Приамурском крае. Они ведь давно уже находятся по ту сторону смерти. Пришёл и мой черёд. Путник! Остановись, присядь здесь и отдохни. Не бойся меня. Я также уставал, как и ты. Теперь для меня наступил вечный и абсолютный покой»»¹.

Завещание В.К. Арсеньева.

Владимир Клавдиевич Арсеньев предчувствовал свою смерть, именно этим была вызвана его лихорадочная работа по завершению своих трудов и задумок. Он тщательно готовил для Ф.Ф.Аристову свои «Воспоминания», которые стали его последним произведением.

В них путешественник писал: «Когда я впервые прибыл в край, ближайшие окрестности Владивостока были покрыты лесом, в котором водилось множество диких зверей. Тогда не было ни дорог, ни троп, и потому путешествие по тайге было сопряжено с лишениями и даже опасностями для жизни. Помню, с каким трудом я пробивался на Лысую гору в истоках р. Седанки. Через двадцать восемь лет я снова попал туда и увидел каких-то молодых людей и девиц, приехавших на автомобиле. Девицы, разодетые в лёгкие летние платья, разостлали на траве белую скатерть и вынимали из корзин вино и закуски, а молодые люди хлопотали около чайника, подвешенного над огнём. Все они были веселы, шутили и смеялись. Им в голову не приходило, что мимо них проходит человек, который с тяжёлой котомкой за плечами, в изорванной одежде и с потным лицом впервые проложил сюда путь. Если бы они узнали об этом, то в лучшем случае отнеслись бы к нему равнодушно, а в худшем — стали бы иронизировать. Тут я впервые почувствовал, что мы люди разных эпох и не поймём друг друга. У них были свои идеалы, свои интересы, у меня свои. У них было всё в настоящем, у меня — в прошлом. <...> Большинство моих сверстников уже находятся по ту сторону смерти. Близится и мой черёд. Жить мне осталось каких-нибудь десять лет. Что я могу желать? Хотелось бы закончить обработку своих научных материалов и напечатать три большие работы. Таким пионерным экспедициям, как мои, имеющим цель естественноисторическую, пришёл конец. Они больше не повторятся. Век идеализма и романтизма кончился навсегда. На смену нам, старшим исследователям и путешественникам, пришли новые люди»².

Дыханием близкой смерти отмечены строки, которые Арсеньев писал Ф.Ф. Аристову за несколько месяцев до кончины: «...У меня жена, дочь 10 лет, у жены престарелые отец и мать, брат учится в университете. У меня есть сестра, которой я помогаю, есть брат, о котором надо заботиться, есть несколько друзей (их осталось очень мало), с которыми я связан мыслями и душой. Если бы не эти близкие мне люди, если бы я был один — я давно ушёл бы далеко в горы, подальше от города, от толпы, от фальши, лжи, зависти и злобы, которые ныне пропитали всю нашу жизнь, как вода губку в море. <...> За время революции и гражданской войны столько было насилий, столько пролилось крови, что у меня что-то надломилось в душе. Я всё больше чувствую своё одиночество. Пусть молодые люди строят новую жизнь, как хотят. Моё желание закончить обработку своих научных материалов и уйти, уйти подальше, уйти совсем — к Дерсу! <...> В настоящее время моим раем и моим утешением являются дочь и жена. Я стал уставать от людей и многого не понимаю, чего они хотят и почему так озлоблены на других! Это какое-то всеобщее помешательство! <...> Одни и те же люди способны сегодня на то и другое... Сначала я думал о России, потом стал интересоваться Сибирью, мысли мои затем перенеслись на Дальний Восток, масштаб моего мирозерцания стал ограничиваться Уссурийским краем. Последние годы я жил Владивостоком, и теперь думаю только о доме, о своей дорогой семье. Не будь у меня семьи — я ушёл бы к друзьям туземцам, чтобы никогда, ни когда не вернуться в город к безумцам, к людям, которые только и думают о том, как бы побольше помучить друг друга! Извините за откровенность — перо как-то само разошлось. Искренне Ваш В. Арсеньев. 27.07.1930 год».

1. Турмов Г. История одного завещания.

2. «Мне сопутствовала счастливая звезда...»: Материалы к биограф. В.К.Арсеньева / Предисл. С.И.Красноштанова и Т.Ф.Аристовой // Дальний Восток. 1986. № 7. С. 136.3

Бывает, когда огромная лавина обрушивается от небольшого камушка. Так случилось и с Арсеньевым. 19 июля 1930 года он выехал из Владивостока в низовья Амура для инспектирования экспедиционных отрядов.¹ Органы государственной безопасности позже отметят: «Отправился формировать шпионскую сеть». Его знакомый, работник Центросоюза А.А.Мартынов писал позднее из Николаевска-на-Амуре: «До дня отъезда его из Николаевска Владимир Клавдиевич Арсеньев жил у меня примерно с неделю (до 20 августа). Я посадил его на пароход и никаких признаков болезни до отъезда не замечал. Вероятно, он простудился в пути»².

26 августа 1930 года Владимир Арсеньев вернулся из командировки домой. Его болезненное состояние не укрылось от близких, но, отмахнувшись от уговоров сходить к врачу и лечиться, Арсеньев схватился за бумаги. Но... от судьбы не уйдешь! Маргарита Николаевна писала сестре мужа Вере Клавдиевне Богдановой: «Ночь с 3-го на 4-е сентября была прямо кошмарной. Он не уснул и всё метался. Около трёх часов начался сердечный приступ, который длился 30 – 40 минут. Я не успела вызвать ни одного врача. Голова работала у Володи все время ясно, он мне сам говорил, что делать ему — положить горчичный компресс на сердце. Хотел написать завещание, но не успел. Сперва я не давала ему писать, а в последнюю минуту, когда я дала ему карандаш, — было поздно, — карандаш выпал у него из рук. Я до последней минуты не осознавала, что он умирает, эта необычная ясность мысли сбивала с толку. Умер от паралича сердца. С его смертью пропал всякий интерес, всякий смысл в жизни. Володя оставил такую светлую память о себе. Хоронил его Окрисполком, на похоронах был весь город — несколько тысяч людей шло за гробом. Цветов и венков были горы. У гроба всё время стоял почётный караул от общественных организаций, играла музыка. А у меня на душе такая тоска безысходная...»³.

Взялась Маргарита Николаевна за обработку дневников мужа. Надо было закончить работу по их сдаче в печать: письма из издательств требовали новых произведений. «Всемирный следопыт» известил своих подписчиков в 1931 году, что приложением к журналу будет полное десяти томное собрание сочинений Владимира Арсеньева. Постепенно ручеек писем и соболезнований начал таять, но враги и не думали складывать оружие.

В январе 1931 года, — вспоминал Н.Е. Кабанов, — было официально объявлено о проведении «Вечера памяти В.К. Арсеньева». И вдруг, ничего не объяснив объявили, что собрание не состоится. Спустя некоторое время, в выступлениях отдельных лиц, в заметках в краевой газете «Красное знамя» появились разоблачения деятельности В.К. Арсеньева, как «представителя великодержавного шовинизма», обвинения его в том, что он служил империализму, требования снять с полок библиотек его книги и отдельные работы. В это время появился небольшой сборник воспоминаний двух авторов, причём вскоре последовало сообщение, что авторы признают ошибочность своих взглядов и потому отказываются от материалов этой книги⁴. Сигналом для активных действий послужила статья Г. Ефимова, в которой он писал: «... мы имеем право квалифицировать взгляды Арсеньева как откровенно шовинистические, идеалистические, уходящие своими корнями в активную пропаганду империалистических идей и защиту интересов русской буржуазии»⁵. Так была отмечена годовщина со дня смерти путешественника.

Во Владивосток Н. В. Арсеньева приехала только в начале 60-х годов, когда её реабилитировали. Она сразу отправилась на кладбище, но к этому времени её отец «переехал» в другое место. Городским властям срочно понадобилось место для строительства жилых домов, и они снесли старое Военное кладбище на Эгершельде. На новый погост успели перенести лишь несколько могил и, к счастью, среди них была Арсеньевская. Когда открыли крышку гроба, то увидели Арсеньева, как живого, — в галстук-бабочке, с горькой усмешкой глядевшего на людей, посягнувших на его покой.

1. АОИАК. Ф. ВКА. Оп. 2. Д. (Индивидуальный договор от 7 янв. 1930). Л. 73 – 74 об.

2. АОИАК. Ф. ВКА. Оп. 2. Д. 22 (Соболезнования). Л. 7.

3. Цит. по: Тарасова А.И. В.К.Арсеньев в переписке современников: (По неопубл. материалам) // Дальний Восток. 1979. № 8. С. 127.

4. Собр. А.А.Хисамутдинова. Воспоминания Н.Е.Кабанова «Восстановление памяти В.К.Арсеньева. Апр. 1983, Москва.

5. Ефимов Г. В. К. Арсеньев как выразитель великодержавного шовинизма // Красное знамя.

Как отметил в официальном акте председатель комиссии по перезахоронению, случилось неожиданное: из могилы вылетела белая бабочка¹. Всем присутствующим тогда показалась, что это душа путешественника. В суе прах Владимира Арсеньева положили на новом месте в нарушение общепринятой традиции: с запада на восток. Вскоре скромная могила путешественника «утонула» среди пышных обелисков именитых людей — партийных и общественных деятелей — которых охотно хоронили около «престижного» места².

На снимке: могила Владимира Клавдиевича Арсеньева. (29.08.(10.09).1872 — 4.09.1930) — исследователь Дальнего Востока, путешественник и писатель. Похоронен на Эгершельдском кладбище. В связи с застройкой кладбища перезахоронен на Морском в 1954 г.

1. Собр. А.А. Хисамутдинова. Акты от 18, 23 ноября 1954; Справки Б.А.Сушкова от 18 нояб. 1954 и В.А. Обертаса от 24 нояб. 1990.

2. АОИАК. Ф. ВКА. Оп. 4. Д. 45. Л. 2; Хисамутдинов А. Последняя тропа Путника // Утро России. 1991. 6 сент.

Могила бывшего начальника поста Владивосток

На небольшом пригорке рядом с варяжцами когда-то стояла небольшая кладбищенская церковь, а сейчас здесь лежит прах второго командира поста Владивосток — Евгения Степановича Бурачка¹, который оставил потомкам весьма точное и полное описание жизни первых обитателей города. Первопроходцы... Какими они были и какова их роль в освоении неизведанных земель? Об этом написано много, но и теперь мы стараемся заново прочесть биографии тех, кто открывал, обживал и исследовал территории, ставшие нам такими привычными.

В середине лета 1861 года в бухту Золотой Рог вошёл клипер «Разбойник» под командованием капитан-лейтенанта А.Н. Розенберга. По трапу на берег сошёл молодой человек лет двадцати пяти с бледным лицом и густой чёрной бородой. Это был старший офицер клипера Евгений Степанович Бурачок. На винтовом клипере «Разбойник» лейтенант Бурачек отправился в плавание по Балтийскому морю (20 мая – 18 октября 1858 года), затем в кругосветное плавание (6 июня 1859 – 24 июля 1861 года).

Во время кругосветного плавания на «Разбойнике» у Бурачка открылась серьёзная болезнь, которая обострялась при малейшей качке, и сейчас офицер сходил на берег в надежде, что жизнь на суше позволит ему укрепить здоровье. Во Владивостоке пробыть он собирался ровно столько времени, сколько потребовалось бы ему на получение разрешения от начальства, а потом, списавшись с корвета, хотел сухопутным путём добраться до Петербурга. Но судьба распорядилась по-иному.

23 июня 1861 года около десяти часов утра в бухту Золотой Рог пришел корвет «Абрек», на котором во Владивосток прибыл контр-адмирал П.В. Казакевич. Всего три дня находился в посту военный губернатор Приморской области, увиденное он написал в рапорте управляющему Морским министерством: *«Пост Владивосток значительно обстроился против прошлогоднего моего посещения. Для команды линейного батальона построена казарма, офицерский флигель, небольшие постройки по хозяйству. Командой корвета «Гридень» также построены казарма для матросов, офицерский флигель, баня, небольшая мастерская; а командой клипера «Разбойник» выведена пристань, и, хотя она не окончательной работы, но весьма уже удобна для выгрузки. Фрегат «Светлана» построил для поста хороший баркас. В лазарете, где зимовала команда корвета «Гридень», был размещен госпиталь для больных с проходящих судов и распоряжением начальника эскадры всё заведено для госпиталя в достаточном виде. Начальником поста назначен мною старший офицер клипера «Разбойник» лейтенант Бурачок согласно его собственному желанию»*².

На самом деле, желания оставаться во Владивостоке у Бурачка не было, но просьба командира для него звучала равносильно приказу, и в том же шханечном журнале появилась запись: *«24 июля. Сего числа лейтенант Бурачок, сдав должность ревизора мичману Деливрону, отправлен на берег начальником поста»*³.

Лучшего человека на эту должность, чем Бурачок, трудно было сыскать. Деятельный по натуре, он к тому же был всесторонне образованным офицером. Окончив Морской корпус и обнаружив недостаток в математических знаниях, он поступил в университет, где помимо лекций по математике слушал курсы всеобщей истории и гражданского права.

Первые десять лет службы Бурачка пошли, как он сам пишет в своих воспоминаниях, в разнообразной деятельности: ему довелось принимать участие в строительстве клиперов, быть ротным командиром, и, конечно же, много плавать¹.

Во Владивостоке весь этот огромный запас знаний пришёлся как нельзя кстати. Евгений Бурачок писал: *«Хорошо собирать в головной шкаф всякий хлам, если не для топлива, то хоть для растопки, — всё пригодится в жизни, особенно в безлюдной точке, без всяких средств ни сверху, ни снизу, ни справа, ни слева, как во Владивостоке. Да, никогда человек не оценит с такой признательностью то, что нам преподавали и к чему принуждали, что самому по дороге прилучилось подхватить, осмыслить, поуправиться с делом, нигде так не оценивается всё, как в заброшенном одиночестве, в роли Робинзона...»*

Кораблестроительные навыки помогли новому начальнику поста не только в крачайший срок закончить постройку баржи для Посъета, начатую моряками «Гридня», но и исправить допущенные ими ошибки. Знакомство с лекарственными растениями и вообще с медициной позволяло Бурачку поддерживать своё здоровье, а также здоровье окружающих. За неимением в посту врача ему приходилось помогать и больным в госпитале. Известно, что он лечил гардемарина Станюковича, впоследствии известного писателя-мариниста. Знание иностранных языков облегчало общение с заходившими в порт иностранными судами. Строительство, поиски каменного угля, помощь первому купцу Владивостока Якову Семенову в торговле — трудно даже передать всё, что входило в круг обязанностей начальника поста в течение двух лет.

Все это Евгений Степанович опишет позже в своих очерках «Воспоминания Заамурского моряка», «Жизнь во Владивостоке» и многих других, опубликованных в «Морском сборнике»². В своих мемуарных записках он не только дал подробное описание жизни первых владивостокцев, которым зачитываются нынче краеведы, но и оставил свидетельство о состоянии природы на этой девственной тогда территории, что привлекает в книге экологов. Этнографы в свою очередь находят в ней немало интереснейших зарисовок из жизни китайского населения. В последние годы жизни Е.С. Бурачок плавал на Балтике, жил в Санкт-Петербурге. Там он и был похоронен на Смоленском кладбище.

Первым, кто познакомил приморцев с деталями биографии командира порта Владивосток Евгения Бурачка, был известный исследователь, доктор исторических наук А.И. Алексеев, один из тех, кто не удовлетворялся сухими архивными материалами, а старался найти прямых потомков, сохранивших в своей памяти живые черты и подробности знаменитых предков. Отличаясь щедрой душой, Алексеев охотно делился своими находками. Так, во время своего посещения Владивостока он пришел в Приморский филиал Географического общества и дал адрес внука Бурачка — ленинградца Владимира Бурачка. Именно Александр Иванович увлёк его архивной работой: Владимир Владимирович смог не только дополнить книгу Алексеева «Как начинался Владивосток» в части, касающейся лейтенанта Евгения Бурачка, но и написал собственную работу.

Владимир Владимирович Бурачок родился в 1913 году в Санкт-Петербурге. Там он окончил Кораблестроительный институт и посвятил всю жизнь кораблестроительному искусству. 125-летие Владивостока совпало с его выходом на пенсию: первое обстоятельство усилило интерес к своим предкам, а второе позволило больше времени посвятить архивным поискам. Хотя Владимир Бурачок не застал своего деда Евгения Бурочка в живых, добрая память о нём сохранилась, и она-то легла в основу будущей книги.

1. Встречается и другое написание фамилии: Бурачек, что неверно. По словам В.В. Бурачка, Евгения Степановича, фамилия белорусская, происходит от слова «буряк» (свекла) и имеет ударение на последнем слоге.
2. Цит. по: Хисамутдинов А.А. Владивосток: Этюды к истории старого города. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. С. 40 – 41.
3. Начальник поста команд в порте Владивосток Приморской области Восточной Сибири (24 июля 1864 – 4 мая 1863).

1. РГА ВМФ Ф. 406, оп. 3, д. 905 ч. 1, л. 115 – 123 об. (Послужной список Е.С. Бурачка); Хисамутдинов А.А. Одиссея лейтенанта Бурачка // Боевая вахта. 1990. 7 июля; Масленников Б., Груздев А. Гора Бурачок Рыбак Приморья. 1991. 5 июля. С. 6 и др.
2. Бурачок Е.С. Воспоминания Заамурского моряка // Мор. сб. 1865. Т. 79. С. 231 – 237; 1865. Т. 80 С. 101 – 120; 1865. Т. 81. С. 61 – 97; Где должен быть русский порт на Восточном океане? // Мор. сб. – 1865. Т. 80, № 9. С. 3 – 14 и др.

В тот юбилейный год и состоялось их знакомство. Приехав в 1985 году в Ленинград, Александр Иванович позвонил Владимиру Владимировичу с просьбой о встрече и услышал согласное «да» и адрес. Его встретил сухощавый мужчина невысокого роста с живыми и задорными глазами, о преклонном возрасте говорила лишь путина морщин. Алексееву было удивительно видеть в обычной многоэтажке старинные портреты на стенах, антикварную утварь. Говорить с Владимиром Бурачком было необычайно интересно. Они провели вместе несколько часов, перепрыгивая в разговоре с одной темы на другую: с истории Владивостока на Ленинград, с судьбы Бурачка-младшего на других исследователей. Рассказывал Владимир Владимирович и о своём дедушке.

— В юности мне не довелось узнать что-либо о деде, — говорил Владимир. — В те времена это было совсем небезопасно. Когда же владивостокские краеведы, разыскав меня, попросили рассказать об Евгении Степановиче, то пришлось обратиться в ленинградские архивы. Уже никого, кто бы помнил деда, не было в живых, и почти всё, что известно теперь о семье Бурачков, я почерпнул в архивах. Из поколения в поколение кто-то из семьи становился моряком и служил на Дальнем Востоке: одни пришли туда во время сплавов с графом Н.Н. Муравьевым-Амурским, другие строили первые суда в Николаевске-на-Амуре, прокладывали курсы в дальневосточных морях, а Евгению Бурачку выпала доля служить во Владивостоке и строить новый город.

— Трудно представить деда молодым во Владивостоке, — делился Владимир. — Он мне гораздо ближе и понятней по последним годам жизни. Его отличительными качествами были благородство и доверчивость, часто он страдал из-за того, что не мог не доверять людям, а они его подводили, но он стойко нёс все невзгоды. Грустно бывает осознавать, что столь ценные человеческие качества приносили семье неприятности. Временами бабушка, знатная дворянка, должна была стегать одеяла, обстирывать семью, мыть полы, но она, по-видимому, любила деда и была предана ему, хотя и никогда не знала с ним материального благополучия¹.

Обстановка в квартире Владимира Бурачка была почти аскетической: рабочий стол с бумагами и пишущей машинкой, полки с книгами. Портреты предков, глядя со стен малогабаритной квартиры, будто бы оценивали то, что Бурачок-младший делает для людской памяти. Все представители старшего поколения были энциклопедически образованными людьми. Как и они, Владимир Владимирович всю жизнь стремился к знаниям, был влюблен в природу, следовал её законам. Как и дед, считал очень важными сыроедение и гомеопатию, старался поддерживать себя в спортивной форме, любил повторять: «Я не ношу себя на руках!». Он проповедовал разумный образ жизни: не переедать, не пить вино и даже крепкого чая, не курить. «А зачем тогда жить?» — порой спрашивал его кто-нибудь, и на этот вопрос у Бурачка-младшего был ответ: чтобы работать, узнавать то новое и интересное, что ещё не познано, забыть о болезнях и чувствовать себя моложе. Это ему вполне удавалось. Общение с ним неизменно приносило радость, а 40-летняя разница в возрасте даже не ощущалась. — Обратите внимание на жизнь Евгения Степановича, — говорил он. — Живя с солдатами во Владивостоке, на краю земли, он был за них в ответе. Ни врачей рядом, ни аптек, никаких бытовых удобств. До всех житейских премудростей он дошёл сам. Собирал лекарственные травы, лечил солдат, давал им выходные дни, учил всему, что знал сам. Штрафники у него исправлялись, — он писал об этом в своих записках.

Владимир Владимирович со временем побывал и во Владивостоке. А толчком для этого послужило известие, что Смоленскому кладбищу в Ленинграде угрожает закрытие из-за того, что оно находится в черте города. Правда, позднее этот проект отменили, кладбище продолжает функционировать и сегодня. Но тогда, обеспокоенный слухами, Владимир обратился в Приморский филиал Географического общества с просьбой защитить могилу бывшего начальника поста Владивосток. Владивостокские краеведы предложили перенести прах на Морское кладбище во Владивостоке. К этому предложению присоединились Приморский краеведческий объединённый музей им. В.К. Арсеньева и Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова. В 1987 году Ленинград посетил заместитель председателя ПФГО Б.А. Дьяченко, вместе с В.В. Бурачком они получили согласие Ленгорисполкома на перезахоронение.

1. Цит. по: Хисамутдинов А.А. От научного редактора // Бурачок Е.С. Воспоминания Заамурского моряка Бурачок В.В. До и после Владивостока. Владивосток: Изд. ОИАК, 1999. С. 4.

На снимке: могила Евгения Степановича Бурачка. (1836 — 1911) — контр-адмирала, в 1861-1863 гг., командира порта и поста Владивосток. Похоронен на Смоленском кладбище г. Санкт-Петербурга. Перезахоронен на Морском кладбище в 1988 г.

Уже на следующий год 21 июня состоялась эксгумация останков. На церемонии присутствовали родственники Евгения Степановича Бурачка, представитель властей, смотритель Смоленского кладбища, а также прибывшие из Владивостока Б.А. Дьяченко, главный хранитель фондов музея им. В.К. Арсеньева Н.Б. Керчелаева, краеведы В.В. Клеменко и С.Л. Чесунов. Останки Бурачка уложили в стилизованную под маленький гроб урну, которую 29 июня 1988 года доставили во Владивосток.

Благодаря энергичным действиям Б.А. Дьяченко и председателя Приморского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры В.А. Обертаса и помощи заместителя председателя Владивостокского горисполкома Е.С. Фокиной удалось в кратчайшие сроки провести подготовку к перезахоронению, которое состоялось 2 июля 1988 года в день 128-летия основания Владивостока. Урну с прахом контр-адмирала Евгения Степановича Бурачка установили в вестибюле Дома офицеров Тихоокеанского флота. Около урны встал почетный караул военных моряков. Несмотря на дождливую погоду, в траурном шествии приняли участие сотни горожан. Останки бывшего начальника поста опустили в могилу при троекратном ружейном салюте. Могильный холм покрыли Андреевским флагом и множеством цветов. По православному обычаю отслужили панихиду. На следующий год по проекту Б.А. Дьяченко рабочие Дальзавода отлили массивный узорчатый чугунный крест, аналогичный тому, что стоял на месте прежнего захоронения. На нём выбиты слова «Ничем из ничего созидать», которые сказал о Владивостоке Евгений Бурачок.

Уже после смерти Владимира Владимировича Бурачка издали задуманную им книгу, в последних строках которой он написал: *«Перечисленные представители рода Бурачков в разной мере способствовали развитию и усилению отечественного флота. Делали это они с полной отдачей своих сил и способностей, не стремясь к чинам, положению и личному благополучию, из поколения в поколение передавая верность морским традициям»*¹.

Памятник «морскому волку» Фридольту Геку

Жители Владивостока были единомышленны во мнении о вольном шкипере Фридольте Кирилловиче Геке: опытный судоводитель, изучивший дальневосточные моря, как собственный карман. Именно так говорили про него моряки. Вольный шкипер Фридольт Фабиан (Кириллович) Гек родился 30 декабря 1836 года на юге Финляндии, в Нюландской губе, в маленьком местечке Экенес. Он был третьим сыном в семье обедневшего дворянина Эрика Гека. К дворянскому роду принадлежала и мать. В 12 лет Фридольт вместе со своими тремя сёстрами и четырьмя братьями остался сиротой. Эрик Гек не оставил после себя значительных сбережений, и перед матерью Фридольт встал непростая задача: как одной вырастить восьмерых детей. Вслед за старшим братом Фридольт Гек решил стать юнгой на каком-нибудь судне. В своё первое плавание он отправился на бриге «Ольга», совершавшем рейсы между балтийскими портами. Трудолюбивый и добросовестный парнишка неплохо справлялся со своими обязанностями, а в свободное время бежал в рулевую рубку. Вскоре он подружился со всеми рулевыми, которых без устали расспрашивал о дальних морях и трудных плаваниях.

Прошёл всего год, как Фридольту посчастливилось сходить в дальний рейс — к берегам Южной Америки. Тогда-то он твёрдо решил получить морское образование. В 1850 году Гек перешёл на судно «Або», уходившее в трёхлетнее плавание, и стал буквально по грошам откладывать деньги в матросский сундучок, чтобы по возвращении поступить в мореходную школу. Планы сбылись. В 1854 году 18-летний юноша вернулся на родину после скитаний по морям и сразу же приступил к учёбе в городе Або. Морской опыт, приобретённый за годы работы на судах, знания, почерпнутые у бывалых моряков, позволили ему легко учиться и успешно сдать экзамен на штурмана.

Учёба закончена, но пора для самостоятельных плаваний ещё не настала. Через месяц после получения аттестата Фридольт Гек уходит в дальнейшее плавание на судне «Джо», а через год после возвращения нанимается в качестве гарпунера на китобойный бриг «Граф Берг», принадлежавший Российско-Финляндской китоловной компании. Судно отправлялось из Або на Дальний Восток, и Гек радовался возможности повидать незнакомые земли и моря.

Около трёх с половиной лет молодой моряк охотился на китов в Охотском море, к концу этого периода он уже выполнял на судне обязанности штурмана. Китобойный промысел в то время требовал крепких физически людей. Геку эта работа пришлась по душе, понравились ему и просторы Дальнего Востока. Всё чаще и чаще ему приходила на ум мысль о том, чтобы остаться навсегда на берегах Тихого океана, но для этого было необходимо получить права на самостоятельное командование морским судном. В 1862 году Гек вернулся в Финляндию для завершения образования: чтобы получить диплом капитана, нужно иметь не только плавательный ценз, но и пройти соответствующий теоретических курс. В марте 1863 года, после года учёбы в той самой мореходной школе в Або, где начиналась обучение моряка, успешно сдав экзамен, Фридольт получил диплом и стал «вольным шкипером». Этим званием он гордился всю жизнь.

Финляндия переживала тогда трудные годы. Неурожаи вызвал безработицу и голод среди населения. Группы людей пускались в путь в разные части света в поисках «земли обетованной». Одной из таких счастливых земель финнам представлялся и Дальний Восток, который к тому времени только начал обживаться и заселяться. Моряки и путешественники, возвращаясь с тихоокеанских берегов, восторженно отзывались о далёких, но прекрасных краях, о богатстве тамошних морей и лесов. Весной 1868 года в Або была организована группа для переселения в Южно-Уссурийский край на весьма льготных условиях, а в Приморье было создано Сибирское удельное ведомство, в обязанности которого входило заниматься нуждами переселенцев. Возглавил его статс-секретарь министра Великого княжества Финляндского Гарольд Фурутельм.

Вскоре в Гельсингфорсе сформировалась другая группа финнов, желающих переехать в Приморье. В неё входили 50 человек разных возрастов, профессий и сословий. Все они были приверженцами утопического социализма и мечтали о полном равенстве и братстве на новых далёких землях. На общем собрании будущие эмигранты решили просить российское правительство выдать им заём для покупки судна, на котором они могли бы отправиться на земли удельного ведомства.

1. Бурачок В.В. До и после Владивостока. Владивосток: Изд. ОИАК, 1999. С. 236

Переселение людей в Южно-Уссурийский край считалось делом государственной важности, и деньги были выделены. Фридольту как опытному моряку и человеку, хорошо знавшему дальневосточный край, предложили взять на себя заботы по покупке судна и затем стать его капитаном. Гек согласился. Вместе с двумя помощниками он нашёл в Германии то, что требовалось, — сравнительно недорогой деревянный двухмачтовый китобойный бриг. Покупка состоялась, и судно было тотчас же переименовано в «Император Александр II».

В октябре 1868 года финские переселенцы на собственном судне отправились в Тихий океан. Это было первое в истории русского Дальнего Востока кругосветное переселение людей морем. Одиннадцать долгих и трудных месяцев длился этот переход. В Находке их встретили ранее прибывшие эмигранты из Або и Фуругельм, предложивший поселиться где-нибудь поблизости, но Гек с товарищами предпочли поискать другое место в пределах удельного ведомства. Они облюбовали уютный залив Стрелок, где обнаружили несколько заброшенных китайских строений, в которых можно было перезимовать. Обустроиваясь, завезли из Находки скот, в Японии купили оборудование для китобойного промысла. Девизом переселенцев были слова «Назад к природе», а уклад жизни на новом месте предполагал занятия сельским хозяйством и китобойным промыслом, рыболовством и охотой.

Жизнь среди дикой природы не была простой, хотя Фуругельм по мере сил помогал своим землякам. Весной 1870 года Гек вывел бриг на первый китобойный промысел. Настоящих моряков в экипаже было немного, остальным приходилось учиться морскому делу прямо на борту судна, и это создавало немало трудностей. Не дали ожидаемого дохода и занятия сельским хозяйством. Колонисты смогли лишь едва-едва обеспечить себя пропитанием.

Разваливалось и поселение в бухте Стрелок. Гек был вынужден отправить в Департамент уделов письмо с просьбой принять у него китобойный бриг в счет долга, выплатить который колонисты были не в состоянии. После удовлетворения просьбы ничто не связывало Гека с финскими переселенцами. Вскоре он познакомился с приморским жителем Михаилом Ивановичем Янковским и принял его предложение поселиться вместе в уютной бухте Сидеми на юге залива Петра Великого. Там в 1877 году шкипер построил небольшой крепкий дом, каменный фундамент которого сохранился до наших дней. Особенно живописными были ворота, сделанные из китовых рёбер, удостоверяющие, что здесь живет китобой. У входа в дом Гек поставил мощные гранитные столбы с выбитыми на них подковами счастья. По соседству поселился Янковский, окончивший свою службу на золотых приисках острова Аскольд. Близость Владивостока обеспечила сбыт хлеба, овощей, молока. Добирались до города на маленький шхун.

Подковы счастья не спасли дом Гека. Вот что написала газета «Голос» 4 февраля 1880 года: *«В июне 1879 года Гек по условию снял с острова лошадей и часть имущества Янковского и доставил на своей шхуне на ферму вместе с двумя конюхами. Потом отправился за новым товарищем и его семейством. По возвращении на ферму колонисты застали ужасную картину. Сломанные двери, разграбленное и изломанное имущество заставили ожидать еще худшего. И действительно, в задней комнате женщина, видно, заправлявшая хозяйством, найдена повешенной со связанными руками; оба конюха и один работник с разрубленными черепами свалены в кучу, семилетний сын повешенной женщины пропал без вести. Судя по степени гнилости трупов и другим данным, надо предположить, что нападение совершено в первую ночь после вторичного отплытия Гека на шхуне с двумя рабочими; очевидно, хунхузы, скрываясь вблизи, следили за жертвами и выбрали время. Грабители удалились на шлюпках Гека, куда сложили и награбленное имущество».*

Так Фридольт Гек лишился своей семьи. В дальнейшем везде, куда заводили его морские пути, он пытался найти следы похищенного сына, но безуспешно. С этой болью он прожил всю жизнь. Сразу же после трагедии Гек принял предложение своего разбогатевшего земляка — местного миллионера О.В. Линдгольма стать капитаном его шхуны «Сибирь», с которым совершил плавание на Чукотку. В этом плаваньи у Гека проявился и талант этнографа: он вернулся домой с ценнейшей коллекцией предметов эскимосской культуры и быта.

Сейчас этнографы теряются в догадках, как мог простой моряк собрать уникальную коллекцию, не имевшую аналогов во всём мире. Её Гек подарил Обществу изучения Амурского края. На Чукотке моряк познакомился с местным населением. Его беспокоило бесцеремонное отношение американцев к этой земле, до которой не доходили руки у официальных российских властей.

После «Сибири» Гек командовал шхуной «Надежда», принадлежавшей китобою Акиму Егоровичу Дыдымову, отставному капитану 2-го ранга. Шхуну конфисковали у американцев, переименовав в честь знаменитого бота Г.И. Невельского. По совету Линдгольма Дыдымов после выхода в отставку занялся китобойным промыслом, для чего по его заказу в Норвегии был построен китобоец «Геннадий Невельской». Своей базой Дыдымов сделал бухту Сидеми. Гек присутствовал при первых выходах китобойца в море и пришёл в восторг от его возможностей. Тогда же на борту «Невельского» он согласился стать капитаном «Надежды», переоборудованной в транспортное судно. На ней вольный шкипер продолжил свои гидрографические исследования — на этот раз у берегов Кореи.

Владивосток, 1893 год. Парусная шхуна с двумя высокими мачтами слабо покачивалась на внутреннем рейде порта. Порядок и чистота царили на ней. Теперь, пожалуй, и бывший хозяин этого судна, американец, не узнал бы своей «Марии», лихой браконьерской шхуны, еще год назад совершавшей набеги на котиковые лежбища и в конце концов конфискованной охранной службой. Обводы шхуны при длине 93 фута, ширине 22 фута 11 дюймов, осадке носом 7 футов и кормой 9 футов 10 дюймов говорили о том, что судно это отличалось хорошим ходом. Впрочем, плохих шхун, предназначенных для незаконных действий в территориальных водах России, браконьеры не держали.

Военному губернатору понравилось конфискованное судно, и он решил не продавать его, как обычно, на аукционе, а оставить для военного ведомства. После незначительных переделок шхуна была поставлена на охрану и таможенный надзор за приморским побережьем, получив соответствующее название — «Сторож». Капитаном её был назначен Фридольт Гек. Это назначение оказалось на редкость удачным. Из малочисленной команды в 15 человек, из которых почти половина впервые выходила в море, опытный моряк смог сформировать слаженный экипаж. На борт шхуны было взято и оружие, его скрывала крепкая дубовая обшивка вместилища трюма.

В 1893 году 18 июня «Сторож» вышел на своё первое охранное дежурство. Район дежурства был очень большим: от корейской границы до севера Приморья. Около десяти лет, почти до самой смерти командовал Гек «Сторожем». Это были годы, полные хлопот и опасностей. Случалось, и пули свистели над головой вольного шкипера, не зря ведь браконьеры называли «Сторож» «Черт-шхуну».

Своим богатейшим морским опытом Гек щедро делился со всеми желающими. Руководство мореходных классов во Владивостоке считало за честь согласие Гека принять курсантов на практику. Как писала газета «Владивосток» 25 марта 1901 года: *«Все работы по вооружению и обслуживанию его «Сторожа» лежат на их обязанности, что, бесспорно, даёт им хорошую практику, в особенности под командою такого опытного командира, каким является местный моряк Гек, заслуженно пользующийся репутацией «морского волка».*

О вкладе Гека в гидрографическую науку можно судить по перечню карт, изданных Главным гидрографическим управлением по материалам описей и глазомерной съёмки шкипера. К сожалению, до наших дней дошло немного документальных свидетельств о жизни и плаваньи вольного шкипера Ф. Гека. Как-то в Общество изучения Амурского края принесли ценный подарок. Потрепанная темно-зелёная обложка старинного блокнота хорошо сохранила витиеватую надпись золочеными буквами: «1884 год. Записная книжка». Сделанные в этом блокноте записи относятся к лету 1885 года, тому самому периоду, когда Гек совершал торговый рейс к берегам Чукотки. В книжке есть пометки о том, сколько Гек купил моржовой кости и где именно, о планируемых и выполненных делах, схема раскроя паруса на «Сибири», а также её бегучего такелажа. Имеются в книжке и записи об астрономических определениях, результаты некоторых съёмок.

В 1904 году 11 июля в газете «Владивосток» появились скорбные строки некролога: *«4 июля окончил жизнь Фридольт Кириллович Гек, бывший командир паровой шхуны «Сторож», принадлежавшей Лесному ведомству. Фридольт Кириллович плавал в наших водах около 30 лет, и никто из моряков не знал так хорошо нашего побережья, а также не умел так приноровиться ко всем условиям плаванья около этих берегов, как покойный. Свои наблюдения во время плаваний у северных берегов Анадыря и Камчатки от мыса Дракинского до Анадыри», покойный изложил в особой брошюре и представил её по принадлежности в гидрографическую часть нашего порта. Там она лежала много лет и только в 1901 году капитаном 1 ранга А.А. Новаковским была, с разрешения автора, использована в брошюре «Лоции берегов, прилегающих к Берингову морю».*

В здании Восточного института, откуда 6 июля состоялся вынос тела покойного, собралось очень много людей: друзей, сослуживцев и бывших подчинённых его. На гроб было возложено много венков, и гроб был прикрыт флагом Русского коммерческого флота.

Со смертью Ф.К.Гека и трагической кончиной К.И. Митке... во Владивостоке почти вымер тип старинных «морских волков» морей Дальнего Востока, которые шли на ловлю китов в «утлых челноках с ручными гарпунами».

Прошло более 80 лет со дня смерти Гека, когда Владивостокские краеведы, узнав от внуков вольного шкипера о месте его захоронения на бывшем Покровском кладбище, решили перенести прах на мемориальный участок Морского кладбища. Партийно-советская власть, избегая лишних вопросов и напоминаний о прошлом, побоялась устаивать эту церемонию днём и разрешила для перезахоронения лишь ночное время. Из-за краткости времени по-настоящему не были проведены все работы по выявлению останков вольного шкипера и его жены Пелагеи Васильевны. Поэтому доподлинно неизвестно, чей прах был найден.

23 октября 1986 года предположительный прах Фридольфа Гека перезахоронили на мемориальном участке Морского кладбища. На могиле установлен надгробный памятник в виде обелиска прямоугольного очертания, на лицевой грани которого укреплена бронзовая мемориальная доска. 2 июля 1989 года на могиле открыт новый памятник: на невысоком прямоугольном основании установлен бюст Фридольфа Кирилловича Гека.

На снимке: Могила Фридольфа Кирилловича Гека (шкипера Гека) (1836 — 1904) — исследователь дальневосточных морей, китобой, гидрограф. Похоронен на Покровском кладбище. Перезахоронен на Морском 23 октября 1986 г. вместе с прахом его жены Пелагеи.

Память о конфликтах и борьбе со стихией

Память о Мишань-Фу. Сражение под Мишань-Фу связано с вооруженным конфликтом на Советско-китайской границе в 1929 году. Гоминьдановское правительство предполагало установить контроль над КВЖД. По мнению советского командования Мишань-Фу стало одним из центров, который угрожал Приморью. Учитывая это, Советское правительство решило атаковать. Это было поручено сводной группе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии под командованием А.Я. Лапина. 17 – 18 ноября 1929 года состоялось решающее сражение под Мишань-Фу. Историки отмечают: «В результате двухдневной Мишаньфуской операции противник потерял около 1500 солдат и офицеров убитыми и ранеными, не считая значительного количества утонувших в реке. Было захвачено 135 пленных, 6 пулеметов, 6 минометов, 200 лошадей и мулов, 2 штабных автобуса, много штабных документов»¹.

В докладе Реввоенсовету ОДВА А. Я. Лапин писал: «Преодолев большое расстояние и ведя неоднократные бои, наши войска выбросили противника осиною гнезда Мишань-фу с большими для него потерями. Возложенная на нас задача блестяще выполнена. В столкновениях наблюдалась исключительная доблесть всех бойцов и командиров; члены наших партийное комсомольской организаций бесстрашно бросались вперед в опасные места».

23 ноября 1929 года владивостокцы торжественно хоронили на Эгершельдском кладбище погибших в этом бою красноармейцев Фирса К. Долгих, Павла К. Панова, Сергея С. Строгонова и командира отделения, кандидата в члены ВКП (б) Ивана М. Люнченко.

В ноябре 1954 года состоялось перезахоронение праха героев на мемориальном участке Морского кладбища. На могиле установлена четырехгранная пирамида, увенчанная капителью сложного очертания, на которой покоится шар. В верхней части пирамиды — дата «1929», в нижней части — мемориальная доска с надписью: «От трудящихся города бойцам Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии — героям Мишань-Фу, отдавшим свою жизнь за дело коммунизма»

На снимке: братская могила красноармейцев Особой Краснознамённой Дальневосточной армии, павших под г. Мишань-Фу.

1. Конфликт на КВЖД: Из истории Сов. вооруженных сил. Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. С. 128.

Жертвы Хасана. В июле 1938 года произошел конфликт в районе озера Хасан между СССР и Японией. 29 июля многократно превосходящие численностью японские самураи пересекли границу нашей Родины. Их встретили огнём одиннадцать пограничников Посьетской погранзаставы под командованием лейтенанта А.Е. Махалина, который погиб в этом бою смертью храбрых.

Для разгрома агрессоров были выделены бойцы 32-й и 40-й стрелковых дивизий и 2-й механизированной бригады. Руководство боевыми операциями осуществлял Маршал Советского Союза В.К. Блюхер. Проявив героизм и отвагу, советские воины к 9 августа 1938 года полностью очистили нашу территорию от японцев. По просьбе японского правительства 11 августа боевые действия прекратились.

В 1938 году 12 августа на Новом Эгершельдском кладбище были торжественно захоронены бойцы и командиры, умершие от ран во Владивостокских госпиталях — И.Б. Баяндин, Н.К. Порин, М.И. Семенов и Н.К. Тюрин. Здесь в 1988 году был открыт памятник героям. Скорбный путь лежит на Морское кладбище, куда в 1954 году был перенесён прах погибших хасанцев.

На могиле установлена горизонтальная бетонная плита. На ней водружён обелиск в виде усеченной трехчастной пирамиды, увенчанной пятиконечной звездой. На лицевой грани укреплена стальная мемориальная доска «Памяти героев, погибших у озера Хасан. 1938 год».

*На снимке: братская могила героев Хасана. Бои у озера Хасан 1938 г.
В ноябре 1954 г. их прах был перезахоронен на Морском кладбище.*

Могила моряков танкера «Баскунчак». В 1976 году 15 сентября танкер Приморского морского пароходства «Баскунчак» погиб вместе с экипажем во время бушевавшего в Восточно-Китайском море тайфуна «Френ». 11 октября того же года члены экипажа жившие во Владивостоке захоронены в братской могиле: А.Н. Виженский (род. 1934), В.И. Здор (род. 1946) и Г.Д. Костиров (род. 1945). На их могиле соорудили пятиметровую стелу, в верхней части которой выполнен силуэт скорбящей женщины с распростертыми руками. У подножья мраморные плиты с именами похороненных моряков. Автор памятника — скульптор В.И. Пенкин.

Могилы моряков теплоходов «Тикси», Тавричанка», «Большерецк». Теплоходы Дальневосточного пароходства «Тикси» погиб 22 марта 1974 года, «Тавричанка» погиб 14 ноября 1976 года, «Большерецк» погиб 7 февраля 1979 года. Останки моряков захоронены на общей территории. Это захоронение имеет прямоугольную форму и разделено на две части. В правой расположено 45 надгробий морякам теплохода «Тикси», в левой — 45 надгробий морякам «Тавричанка» и «Большерецка». В начале аллеи установлены плиты чёрного мрамора, на которых выгравированы названия судов и даты гибели. Внутри аллеи находится общий памятник в виде бетонной чайки, преподносящей крылом к стилизованной волне. Территория участка обрамлена якорными цепями, висящими на гранитных столбиках. Автор этого братского кладбища — архитектор М.Б. Балабанов.

На снимках: памятник экипажу танкера «Баскунчак» и братские могилы моряков теплоходов «Тикси», Тавричанка», «Большерецк».

Помогая Вьетнаму. Все началось со 2 сентября 1945 года в Ханое на легендарной площади Бадинь, когда обнародовали Декларацию независимости Демократической Республики Вьетнам. 30 января 1950 года Советский Союз и Демократическая Республика Вьетнам установили дипломатические отношения. Во время войны между Севером, который поддерживал СССР и Югом (США). Несмотря на активнейшие военные действия суда Дальневосточного пароходства продолжали снабжать Вьетнам грузами. В истории Дальневосточного пароходства сообщается: «На теплоходе «Гриша Акопян» (капитан Н. В. Пухов) фугасная бомба попала на ботдек, три других легли рядом у борта. Оглушительные взрывы сотрясали корпус судна. Осколки прошивали переборки. Два контейнера с бомбами попали в открытые трюма. Судно загорелось. В эфир пошла радиogramма: «Всем, кто меня слышит, передайте Владивостоку: «Гриша Акопян» горит, правый борт разворочен, капитан ранен, руб-ка разбита. Сижу в дыму без света, снова летят самолеты. Еще раз бомбят. На судне сильный пожар. Покидаю радиорубку. Начальник радиостанции Неунылов». Семь раз выходили из укрытия в перерывах между налетами, моряки бросались тушить пожар, забывая об ожогах и ранах. Возникла угроза взрыва 500 тонн бункера в судовых танках. Истощив все возможные средства в единоборстве с огнём, команда в 19 часов 30 минут 10 мая после двух с половиной часов борьбы покинула судно»¹.

По одной из тревог, выводя в укрытие вьетнамских грузчиков, осколком в голову был убит Юрий Сергеевич Зотов — боцман теплохода. Ю. С. Зотов посмертно награжден правительством Демократической Республики Вьетнам орденом Труда первой степени и медалью «Дружба». Имя его навечно занесено в книгу Почета посольства СССР и ДРВ. Наша Родина высоко оценила подвиг моряка, посмертно наградив орденом Ленина.

Еще во время Великой Отечественной войны электромеханик Николай Никитич Рыбачук (1913—1967) работал на судах Дальневосточного морского пароходства. Во время Вьетнамской войны пароход «Туркестан» доставлял во Вьетнам самые разнообразные грузы: от продуктов до сельскохозяйственного оборудования. В июне 1967 во время стоянки в порту Камфа американцы обстреляли его пароход. Моряк скончался от полученных ран. В память о нём одно из новых судов ДВМП назвали «Механик Рыбачук».

На могиле в 1967 году сооружён надгробный памятник виде прямоугольной стелы из декоративного бетона, стоящей на ступенчатом цоколе. Могила окаймлена бетонным парапетом.

Когда «Механик Рыбачук» и «Боцман Зотов» впервые вошли в порт Хайфон, их торжественно встретили вьетнамцы, отдавая дань уважения советским людям, погибшим во имя свободы их родины. В музее Хайфона хранится пробитый осколками обгоревший флаг судна «Гриша Акопян», каска капитана Н. В. Пухова и другие экспонаты прошедшей войны.

1. Дальневосточное морское пароходство, 1880 – 1980. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1980. С. 581 – 582.

На снимке: могила Николая Никитича Рыбачука. (01.09.1913 — 02.06.1967) — электромеханик теплохода «Туркестан» Дальневосточного морского пароходства, погиб во вьетнамском порту «Камфа» при бомбёжке порта американской авиацией.

На снимке: могила Юрия Сергеевича Зотова. (22.10.1934 - 10.05.1972) - боцман теплохода «Гриша Акопян» Дальневосточного морского пароходства, погиб во вьетнамском порту «Камфа» при бомбёжке порта американской авиацией.

Аллея большевиков или вместе с бывшими врагами

В своё время одним из центров мемориального участка были захоронения участников гражданской войны. Судя по захоронениям, этот небольшой участок возник в самом конце 1950-х годов.

Один из старейших большевиков **Илья Иванович Александрович** (1874 — 1960) стал членом РСДРП в 1903 году. Он участвовал в революционном движении, а также во время гражданской войны. На могиле установлен надгробный памятник в виде стелы из декоративного бетона.

Ветеран гражданской войны на Дальнем Востоке Алексей Степанович Аллилуев родился 30 марта 1898 года в Сучане. В 1917 году он вступил в партию большевиков и его избрали депутатом первого Партизанского Совета рабочих депутатов. С 1918 года воевал на Уссурийском фронте. В конце 1919 года на нелегальной работе во Владивостоке, участвовал в подготовке восстания против колчаковского генерала Розанова. В 1920 году Приморский губком РКП (б) направил Алексея Аллилуева на работу в город Сучан, где его избрали председателем рудничного комитета профсоюза горнорабочих, а затем секретарем Сучанского комитета РКП (б). С 1925 года А.С. Аллилуев работал в угольной промышленности. Почетный гражданин Владивостока. Председатель краевой Дальневосточной секции ветеранов революции и гражданской войны скончался в 1983 году во Владивостоке.

Летом 1918 года **Мария Сергеевна** (1898 — 1984) и **Палладий Петрович Герасимовские** вступили в партизанский отряд, с которым участвовали в боях до окончания Гражданской войны. Позднее за отвагу М.С. Герасимовскую наградили орденом Красной звезды. Некоторое время она поработала сельской учительницей. Окончив Дальневосточный университет Герасимовская всю жизнь, преподавала химии во Владивостокском медицинском училище. За активное участие в партизанском движении награждена орденом Красной Звезды.

В годы гражданской войны **Степан Федорович Глазков** (1894 — 1969) был командиром Ольгинского партизанского отряда, оперуполномоченным ОГПУ. Участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды, член КПСС. Могила покрыта надгробной плитой из декоративного бетона, над ней сооружена прямоугольная стела того же материала с мемориальной надписью.

Одной из последних участников революционного движения в Приморье **Тамара Михайловна Головнина** (1899 — 1990). В 1918 году стала членом партии большевиков. В период интервенции работала во Владивостоке. Была арестована и заключена во Владивостокскую тюрьму. После побега включилась в подпольную работу. Работала в подпольной типографии большевистской газеты «Красное знамя». С начала 1920 года — член центра Бюро профсоюзов от союза грузчиков во Владивостоке. Много лет работала агрономом Спасского переселенческого района. Входила в секцию ветеранов революции и гражданской войны, активно занималась общественной работой до последних дней жизни. Умерла во Владивостоке.

Африкан Акиндиевич Канючков (1881 — 1959) участвовал в Цусимском сражении 14 — 15 мая 1905 года. Канючков принимал участие и в Гражданской войне. На могиле установлен бетонный обелиск прямоугольного очертания, увенчанный пятиконечной звездой.

Матрос Сибирской флотилии **Дмитрий Филаретович Коновалов** (1890 — 1962), большевик с 1914 года. С 1918 года член Владивостокской подпольной организации РКП (б), активный участник гражданской войны. В советское время — дипломат, член советских представительств в Италии и Финляндии. На могиле установлен надгробный памятник в виде прямоугольной стелы из декоративного бетона.

На могиле другого участника гражданской войны **Иван Трофимович Лукьянчук** (1893 — 1966), член РКП(б) с 1918 года. На могиле установлен надгробный памятник в виде прямоугольной стелы из декоративного бетона, могила обрамлена бетонным бордюром.

Активный участник гражданской войны на Дальнем Востоке, член РКП (б) с 1921 года **Михаил Авксентьевич Шпарийчук** (1897 — 1983). На могиле установлена надгробная стела прямоугольного очертания из розового мрамора.

Бывший машинист крейсера «Рюрик» **Фрол Сергеевич Пилипушко** (1887 — 1962). Участник первой мировой войны и Октябрьского вооруженного восстания. Член РКП (б) с 1917 года. Командир отрядов Красной гвардии в 1917—1922 гг. В мирные годы — активный участник социалистического строительства на Дальнем Востоке. На могиле установлен надгробный памятник в виде стелы прямоугольного очертания из декоративного бетона. Могила обрамлена бетонным бордюром.

Писатель и краевед **Адриан Адамович Романовский** (1898 — 1975). В 1919 — 1923 гг., служил штурманом посыльного судна «Адмирал Завойко», переименованного позже в «Красный вымпел». Способствовал возвращению судна из Шанхая на Родину в 1923 году. На могиле установлен надгробный памятник в виде стелы прямоугольного очертания, на лицевой грани которой сделано горельефное изображение «Красного вымпела» и высечена мемориальная надпись. Могила покрыта прямоугольной плитой серого мрамора.

Один из первых комсомольцев края был **Анатолий Яковлевич Соснин** (1897 — 1980). Участник гражданской войны в Приморье, член РКП (б) с 1920 года. На могиле установлен надгробный памятник в виде трапецевидной стелы розового мрамора.

На могиле **Дмитрия Ивановича Титкина** (1889 — 1965) установлен надгробный памятник в виде прямоугольной стелы из декоративного бетона. Большевик с 1914 года. Дмитрий Иванович был ветераном революционного движения Дальнего Востока, В 1917 — 1918 гг. он являлся председателем первого Совета солдатских депутатов Хабаровского арсенала.

Петр Васильевич Уткин — активный участник гражданской войны в Приморье, большевик. В 1920 году избран членом Владивостокского горкома РКП (б), назначен редактором большевистской газеты «Красное знамя», был делегатом VI Дальневосточной партийной конференции. 20 июля 1920 года на станции Иман Уткин, назначенный уполномоченным правительства Приморской земской управы на переговорах с японским командованием, был предательски убит. Уткин похоронен на Эгершельдском кладбище во Владивостоке. В беспамьяте могила была потеряна. По утверждению одного краеведа он нашел этот прах. К сожалению, настоящих доказательств подтверждающих это так и не было найдено. 4 декабря 1987 года его прах перенесён на мемориальный участок морского кладбища. На могиле установлен памятник в виде стелы с мемориальной надписью.

Федор Николаевич Меркулов родился в 1907 году в году во Владивостоке на ст. Седанка в семье Николая Дионисовича Меркулова, купца первой гильдии, владельца судоходной компании на Амуре, члена Владивостокского Биржевого комитета и Торгово-промышленной Палаты, в будущем одного из руководителей Временного Приамурского Правительства и родного брата главы выше названного правительства — Спиридона Дионисовича Меркулова. Был захоронен прах Федора Николаевича Меркулова, скончавшегося 17 ноября 1997 года в США (штат Калифорния). На обелиске из черного мрамора, установленного на могиле Ф.Н.Меркулова начертаны слова: «Я вернулся, Господи».

Бывший артиллерист, активный участник борьбы за установление Советской власти в Приморье **Андрей Петрович Оленица** (1896 — 1963). Член РКП (б) с 1920 года. В мирные годы посвятил себя строительному делу. Принимал участие в создании оборонительных сооружений на Тихоокеанском побережье. На могиле установлен памятник в виде прямоугольной стелы из декоративного бетона, могила обрамлена бордюром.

На снимке: могила Тамары Михайловны Головниной (1899 — 1990) — участница гражданской войны на Дальнем Востоке.

На снимке: могила Петра Васильевича Уткина. П.В. Уткин (? — 1920) — участник 1-й русской революции 1905 г., участник борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке.

На снимке: могила Андрея Петровича Оленицы (1896 — 1963) — участник борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке.

На снимке: могила Фёдора Николаевича Меркулова (1907 — 1997). В июле 1998 г. на Морском кладбище захоронена урна с его прахом.

Подводная лодка

На Морском кладбище, недалеко от «варяжцев», отыскиали безымянную могилу, где нашёл свой последний приют один из первых подводников России, матрос с «Дельфина» Михаил Петрович Сюткин.

Михаил Сюткин, уроженец Вятской губернии, был из династии потомственных уральских рабочих. На флоте, куда он попал служить, его сразу заметили и отправили учиться в Кронштадтскую минно-машинную школу на подводника, где среди преподавателей был изобретатель радио А. Попов. Именно оттуда Михаил Сюткин попал на первую подводную лодку «Дельфин», значившуюся первоначально как миноносец N 150.

Сверхсрочник Михаил Сюткин демобилизовался в декабре 1905 года и нанялся работать на электростанцию военного порта. После выхода на пенсию первый подводник продолжал слесарить и ремонтировать лодки. В октябре 1959 года Михаила Сюткина не стало, он прожил 81 год. Из них всего полтора года служил на подводной лодке, но это определило всю его дальнейшую судьбу, он навсегда бросил якорь во Владивостоке, «Дельфин» же, на котором он «приплыл» во Владивосток, оказался волею судьбы на другом конце России.

Со временем памятник, стоявший на могиле Михаила, покосился, надписи стерлись. Имя одного из первых подводников было предано забвению, пока его могилу почти полвека спустя не отыскали и не восстановили надгробие. Это сделали активисты Владивостокского клуба подводников совместно с ветеранами, Военно-страховой и Военно-мемориальной компаниями.

На снимке: могила Михаила Петровича Сюткина. (1878 – 1959) — матрос подводной лодки «Дельфин», рабочий Дальзавода, участник революции 1905 г. во Владивостоке, участник борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке.

Писатели и артисты

К сожалению, на Морском кладбище нет такого места, как Санкт-Петербургских Литературных мостков, где похоронены выдающиеся деятели. Но на мемориальном участке нашли последние приют и приморские мастера пера. В частности, **Георгий Георгиевич Халилецкий** — автор известных романов «Океанский проспект», «Этой бесснежной зимой», повести «Командир корабля», «Осенние дожди».

В 1945 году вышел сборник стихов «На Тихом океане» — оперативный отклик на события войны с Японией. Поэтический сборник «Стихи» (1946), «Утро» (1947), «Сергей Лазо» (1949), «В моем краю» (1951). Главные мотивы — красота океанского края, созидательный труд его людей, верность дружбе, любви. Первая повесть «Большое плавание» (1954) посвящена морякам-артиллеристам. Проблемы флотской жизни поставлены в повестях «Шторм восемь баллов» (1961), «Командир корабля» (1975). Панорама жизни большого Приморского города нарисована в романах «Этой бесснежной зимой» (1971), «Океанский проспект» (1978), «К солнцу обращенная земля» (1984), задуманных как трилогия о тревогах и заботах времени. Последний роман остался незавершенным.

Родился Георгий в семье служащего 8 марта 1920 года в Курске. Халилецкий был корреспондентом Курского обл. отд. ТАСС, литсотрудником газеты «Свободный труд». Также 10 лет служил на Тихоокеанском флоте (1940 — 1950), 1-й год краснофлотцем-артиллеристом, а затем журналистом флотской газеты «Боевая вахта». Принят в СП СССР (1947). Заслуженный работник культуры РСФСР (1970), лауреат премии им. А. А. Фадеева, серебряная медаль (1976). Халилецкий скончался 4 декабря 1978 г.

Видный деятель культуры Приморья, нар. артист СССР и РСФСР **Андрей Александрович Присяжнюк** (1912 — 82). Дарование Андрея Александровича раскрылось в театрах Вл-ка, где он родился, с которым связана вся его жизнь. Несколько лет Присяжнюк плодотворно работал в драматическом театре Особой Дальневосточной Краснознаменной армии. В 1929 году вместе с группой молодых энтузиастов создал во Владивостоке Театр рабочей молодежи (ТРАМ), преобразованный в 1932 году в драматический театр им. М. Горького. В этом театре А.А. Присяжнюк проработал всю жизнь Народный артист СССР, профессор Дальневосточного педагогического института искусств.

А.А. Присяжнюк сыграл более 300 ролей: Аркашка в «Лесе», Фаренюка в «Чайках над морем» и др. На сцене краевого драматического театра проявилось его режиссерское дарование. В 1964 году ему присвоено звание народного артиста РСФСР, в 1974 — народного артиста СССР.

На снимке: могила Георгия Георгиевича Халилецкого (08.03.1920 — 04.12.1977). Евросиньи Петровны Халилецкой (12.12.1918 — 22.07.2002).

Учёные и краеведы

На Морском кладбище похоронено немало и Владивостокских краеведов. Не все могилы известных деятелей прошлого находятся на мемориальном участке. К примеру, в стороне лежит прах бывшего директора Восточного института **Аполлинария Васильевича Рудакова**. Он много думал о восстановлении Восточного института. Еще в начале 1941 года в одном из своих писем он писал: *«Лучше всего меня устраивало бы открытие Восточного института во Владивостоке, и тогда я мог бы работать приблизительно при тех же условиях, как в ДВГУ. За утратой библиотеки мог бы прийти на помощь Восточному институт своей личной библиотекой, в которой книги не заштемпелеванные и без печатей, они бы послужили основным книжным фондом. Книги эти, на английском, французском, немецком и русском языках, по содержанию относятся к области синологии, ориентальному языковедению и монголоведению (около 400 томов). Кроме того, сюда нужно отнести значительную китайскую библиотеку (с большим количеством томов), начиная с династийных историй и кончая языковедческой литературой и книгами более легкого содержания»*.

Уже после окончания Отечественной войны А.В. Рудаков написал об этом небольшую статью в газету «Красное знамя»¹. Вероятно, уже в те годы партийная власть задумывалась об этом и, может быть, интересовалась мнением маститого китаевода. Узнав о том, что во Владивостоке восстанавливается Дальневосточный филиал АН СССР и намечается открытие новых научно-исследовательских институтов, А.В. Рудаков вновь предложил открыть востоковедческий центр². Увы, время для восстановления востоковедческого образования во Владивостоке тогда еще не подошло...

Несмотря на то, что А.В. Рудаков всю жизнь трудился на благо России, денег на его похороны не нашлось. Только опубликовали информацию о смерти³. На выручку пришел Дальневосточный государственный политехнический институт, в стенах которого был еще жив дух легендарного Восточного института. Похоронили маститого китаевода на Морском кладбище Владивостока, поставив небольшой деревянный памятник, увенчанный звездой. Е.С. Рудакова написала ходатайство в Приморский краевой отдел культурно-просветительский отдел об установке соответствующего надгробья, но чиновники ответили отказом «из-за отсутствия средств для этой цели»⁴. Жена Рудакова скончалась 24 марта 1977 года, её похоронили недалеко от мужа.

Совсем недалеко от могилы В.К. Арсеньева лежит капитан 1-го ранга **Михаил Михайлович Карпинский** (1891 – 1959), доцент Тихоокеанского высшего военно-морского училища. С 22 апреля 1939 года он руководил Приморским филиалом Всесоюзного Географического общества.

В одном из своих отчетов М.М. Карпинский писал: *«За различными справками, за советами, за консультациями и литературой к нам обращаются сейчас, как никогда не было раньше. Запросы сыпались со многих мест. Например, общество передало дуплетную коллекцию книг музею на Колыму, а в ответ получил альбом о пятилетней деятельности этого музея. Также посылались книги на Камчатку и Сахалин. Оказывались консультации и сотрудникам разных экспедиций, которые приезжали в край»*⁵. Карпинский смог сохранить Общество в суровые годы репрессий, непростое время войны. Михаил Михайлович был одним из инициаторов перезахоронения В.К. Арсеньева. Может поэтому и его прах лежит недалеко от могилы знаменитого путешественника.

1. Рудаков А.В. Восстановить Восточный институт // Красное знамя. 1946. 1 мая.

2. Собр. Т.А. Каракаш (Владивосток). Рудаков А.В. Копия письма в профессиональный союз работников высших и научных учреждений. Без даты.

3. Собр. Т.А. Каракаш (Владивосток). Рудаков А.В. Опись имущества, принадлежащего профессору Рудакову Аполлинарию Васильевичу, проживающему по Сухановской улице, дом № 6 кв. 2. 2 л.

4. Некролог А.В. Рудакова // Красное знамя. 1949. 12 мая.

5. АОИАК. Отчет ПФГО за 1949 г.

На снимке: могила Михаила Михайловича Карпинского (1891 – 1959), доцент Тихоокеанского высшего военно-морского училища.

Энтомолог-зоогеограф и ботаник Алексей Иванович Куренцов родился 3 марта 1896 года в с. Алексеевское Орловской губернии. Он работал статистиком земской управы г. Комы. Побывав в 1920 году на Дальнем Востоке в командировке, он устроился на работу лаборантом в Южно-Уссурийское отделение Русского Географического общества. А.И. Куренцов окончил Ленинградский университет в 1931 году. По заданию университета он совершил командировку в Приморье для изучения короедов и бабочек (1931 г.). С 1931 года А.И. Куренцов работал в Дальневосточном филиале Академии наук, 10 лет заведовал зоологическим кабинетом Горно-таежной станции. По решению президента АН СССР В.Л. Комарова ему присвоили научное звание кандидата биологических наук (1936). В 1941 года он защитил докторскую диссертацию («Короеды Дальнего Востока СССР» — Зоологический институт). А.И. Куренцов стал лауреатом Сталинской премии за работы по лесной энтомологии, он заведовал лабораторией Биолого-почвенного института.

С первых лет своей деятельности на Дальнем Востоке А.И. Куренцов был связан с ОИАК, являлся председателем Приморского филиала Географического общества СССР, возглавлял бюро дальневосточных организаций Географического и Энтомологического обществ, состоял членом французского био-географического общества.

А.И. Куренцов скончался 17 января 1975 года во Владивостоке. В конце своей жизни он писал: *«Сейчас ярко вспоминаются те дни, когда впервые в 1920 году я приехал на Дальний Восток. Казалось, я попал в совершенно новый мир природы. Как натуралист, выросший среди скромной среднерусской природы, я был поражен разнообразием форм и красок насекомых уссурийской тайги. Я услышал голоса и пение многих незнакомых птиц и совершенно терялся в определении видов удивительно богатой лесной флоры [...]. Пройденный более чем пятидесятилетний путь исследований хотя и был сопряжен с большими трудностями, но оставил много незабываемых впечатлений о далеких путешествиях, которые позволили мне понять поэзию скитальческой жизни, полюбить дальневосточную природу и почувствовать радость научных исканий»*¹.

На могиле сооружен обелиск прямоугольного очертания, увенчанный бюстом ученого, работы скульптора В.И. Пипекиной. Могила покрыта гранитной плитой прямоугольной формы с мемориальной надписью.

На снимке: могила Алексея Ивановича Куренцова (03.03.1893 — 17.01.1975)

1. А.И. Куренцов. Мои путешествия. Владивосток, 1973.

Памяти одного «миллионера»... Признаюсь, что до сих пор веду мысленный диалог с Борисом Владимировичем Августовским. Дописывая очередной краеведческий очерк, явственно чувствую, как мэтр краеведения заглядывает из-за моего плеча в рукопись, чтобы ткнуть узловатым пальцем в текст и указать на досадные ошибки или неточности, которые могли в него вкрасться. Доживи Борис Владимирович до сего дня, что сказал бы он, замечая, как небрежность становится нормой, не только переписывается сама история, но и безвозвратно уничтожаются её памятники.

В середине 80-х, когда приоткрылись архивы, а исследователям разрешили публиковать исторические работы на любые темы, начался бум в краеведении. Историей страны и родного края интересовались и стар, и млад. Эти годы были золотым временем для Б.В.Августовского, который писал много и на самые различные темы. Если не каждую неделю, то раз в месяц он обязательно публиковал свои статьи в местных газетах. Трудно сказать, какой аспект старины он обошёл своим вниманием. История домов, улиц, памятников и даже подробности строительства маяков — его заметки об этом и многом другом можно найти и сегодня в старых газетных подшивках. А сколько было написано справок об уникальности тех домов, перед которыми уже стоял пыхтящий бульдозер, готовый уничтожить старые здания, чтобы расчистить площадку под очередную шаблонную «хрущовку». Поэтому его часто можно было видеть в Приморском отделении Общества охраны памятников. Благодаря находкам Августовского было написано немало научных статей и книг, авторы которых, кстати, далеко не всегда находили нужным дать ссылку на имя скромного краеведа. По общепринятым меркам для науки он был никем.

Б.В.Августовский жил нелегкой жизнью и очень скромно. Он всегда был одет опрятно и при галстукке, но костюм его был изрядно поношен. Как и многие увлеченные люди, он не отличался практичностью, и денег, вероятно, ему не хватало. Нередко знакомые видели, как он с нагруженной авоськой спешил сдавать пустые бутылки, но при этом никто не заметил его за перепродажей раритетов. Беззаветно преданной краеведению, искренний альтруист, Августовский и свои краеведческие статьи печатал не ради гонораров. Порой он нес их в такие газеты, как «Дальневосточный моряк», где авторам вообще не платили ни копейки. Вечерами, без устали стуча по клавишам потрепанной машинки, он корпел и над рецензиями, которые были всегда резкими, даже злыми. В этом Борис Владимирович был бескомпромиссным и не щадил никого. Иногда его отзывы даже трудно было назвать рецензиями, так как краевед дотошно рассматривал каждую ошибку, ссылаясь при этом на определенный документ или архивную справку. Не лишенный поэтического дара, Б.В.Августовский писал и едкие эпиграммы, даже сочинял поэмы на тех, кто переписывал историю на свой лад. Порой одно его имя нагоняло страх на молодых исследователей. К сожалению, Августовский так и не удостоился при жизни своей книги. Даже телефон маститому знатоку истории города поставили после многочисленных ходатайств общественных организаций Владивостока.

Отдушиной для краеведа являлось старейшее научное общество на русском Дальнем Востоке — Приморский филиал Географического общества, ныне Общество изучения Амурского края. Здесь он засиживался допоздна, тщательно просматривая старые газеты и описывая каждый номер. Б.В.Августовский не был трибуном или блестящим лектором, больше завораживая слушателей своими знаниями. Казалось, краевед не только знает историю любого городского дома, но и может рассказать о каждом его кирпичике.

Борис Владимирович Августовский любил бродить по центру Владивостока, особенно по «Миллионке», с простеньким фотоаппаратом, запечатлевая на фотопленке старые здания. За глаза краеведы 80-х называли Августовского «миллионером», подчеркивая, что он носит в голове миллионы сведений о Владивостоке.

Бориса Владимировича Августовского не стало в конце того же 1990 года, когда он передал ОИАК свой архив. Эта было время золотой осени... прохладный ветер гонял по владивостокским улицам разноцветные листья, задувая их в подворотни и старые дворы, и казалось, что это не листья, а прощальные венки были разнесены по тем уголкам, которые воспел краевед.

На снимке: магила Бориса Владимировича Августовского (14.10.1902 — 28.11.1998) — участник гражданской и Великой Отечественной войн, по специальности — фармацевт. Известный краевед и крупный коллекционер, библиофил и филокартист.

До сих пор в Обществе изучения Амурского края вспоминают бывшего ученого секретаря **Бориса Александровича Сушкова** (1905 – 1980). В Обществе часто увлекались туристическими походами и командировками, душой которых и был Сушков. Он родился 7 (19) июля 1905 года в дер. Александрова Тамбовской губернии¹. После окончания, в 1922 году, школы 2-й ступени при Бело-зерском заводе на Южном Урале, работал хронометражистом. Осенью 1926 года его зачислили в Школу военных сообщений им. Фрунзе в Ленинграде. Некоторое время он преподавал, а затем служил техником на дорожных изысканиях. В начале 1932 года Борис Сушков перевелся во Владивосток. В 1950 году подполковника Б.А. Сушкова утвердили в должности начальника военно-исторического музея Тихоокеанского флота. С этого времени он занялся краеведением. Профессор Е.В. Краснов вспоминал: Борис Александрович многие годы был бессменным учёным секретарём (с 1965 по 1979), а главное — душой Приморского филиала Географического общества. Одну за другой отправлял он экспедиции краеведов, географов-любителей, спелеологов по Приморью, Курилам, Камчатке, Сахалину и даже Чукотке. Многие помнят его и будут помнить долго — в городах и посёлках Приморья, на кораблях Тихоокеанского флота, в воинских частях, школах, библиотеках. Он часто выступал с лекциями и беседами на заседаниях Общества, по радио, телевидению. Обращался к нам со словом, наполненным Памятью, Гражданственностью, Патриотизмом в самом неподдельном значении этих высоких слов»².

Борис Александрович Сушков скончался 13 марта 1980 году. Проводить его в последний путь пришли не только краеведы Владивостока, но и из других районов Приморья. До сих пор члены Общества приходят убирать его могилу. Рядом с ним лежит его жена, известный скульптор **Ольга Ильинична** (1916 – 1992). Именно она сбила с эпитафии слово «коммунист» оставив № краевед, историк». Надгробный памятник на его могиле представляет собой прямоугольную стелу красного мрамора. Могилу обрамлена бордюром из того же материала.

На снимке: могила Бориса Александровича Сушкова (1905 – 1980), Ольга Ильинична (1916 – 1992).

1. Сушков Борис Александрович // Приморский край // Кр. энцикл. справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 461 – 462.
2. Краснов Е.А. Борис Александрович Сушков // Век замыслов и свершений. Владивосток, 1987. С. 61 – 79.

Капитаны

На снимке: могила Павла Павловича Куянцева — мореплаватель, литератор и самодеятельный художник. Окончил Владивост. техникум. В ДВМП палубным учеником п/х «Астрахань» (с 9 апр. 1929). Капитан (с 8 янв. 1939). На пенсии (с 27 июля 1972).

Удачливый директор рыбокомбината «Тафуин» **Шалико Георгиевич Надибаидзе** (1904 — 1964). В Приморье с середины 1930-х гг. Инженер на рыбокомбинате «Попов», зам. директора, рыбокомбината «Валентин». С 1939 года дирктор крупнейшего в Приморье рыбокомбината «Тафуин». В годы ВОВ давал стране рекордное количество рыбы и многократно выходил победителем во Всесоюзном соревновании рыбаков. Выступил инициатором экспедиционного лова рыбы ценных пород. В конце 1940 — 1950 гг. Надибаидзе работал начальником Главприморрыбпрома, рук. Дальрыбой. Его именем называется плавучая рыбодобывающая база, улица во Владивостоке, рыбокомбинат в Приморье.

Шалико Георгиевич Надибаидзе один из основателей советской рыбной промышленности Дальнего Востока, отдавший 30 лет своей жизни развитию активного промысла рыбы и морепродуктов, созданию мощного рыболовного флота.

Родился Ш.Г. Надибаидзе на ст. Пассалаури Военно-Грузинской дороги в семье горца. В 1931 году окончил Тбилисский университет и уехал в Ленинград, работал на заводе. В конце 1932 года вступил в партию, а в 1935 году в числе её первых посланцев прибыл на Дальний Восток для создания в этом регионе советской рыбной индустрии.

Начал свою работу инженером на рыбокомбинате на о. Попова. Родина высоко оценила заслуги Ш.Г. Надибаидзе в развитии рыбной индустрии на Дальнем Востоке, наградив его двумя орденами Ленина. С 1962 года Ш.Г. Надибаидзе руководил рыбной промышленностью Дальневосточного бассейна. В 1963 году трудящиеся избрали его депутатом Верховного Совета РСФСР.

На снимке: могила Шалвы Георгиевича Надибаидзе (25.08.1907 — 8.09.1964) — выдающийся хозяйственный руководитель, начальник главка Дальрыба. Рядом похоронена супруга Надибаидзе Ольга Степановна (1919 — 2005).

В своё время известный капитан дальнего плавания **Михаил Владимирович Готский** опубликовал работы по судовождению в полярных условиях. Будущий капитан арктического мореплавания родился в 1907 году в Тюмени. Окончил с отличием мор. техникум во Владивостоке. В 1955 окончил заочно судоводительский ф-т ДВВИМУ (ныне Морская академия). Плавал на ледоколах «Красин», «Адмирал Лазарев», «Сибирь», «Федор Литке». В начале 60-х назначен капитаном нового мощного ледокола «Москва». Готский был не только капитаном, но и учёным. В фундаментальном труде «Опыт ледового плавания» (1961), выдержавшем 3 издания, он обобщил практические навыки плавания во льдах. За этот труд Михаилу Владимировичу присвоена ученая степень канд. геогр. наук. Он был инициатором создания и соавтором 1-го «Справочника судоводителя морского флота». Им написана «Практическая навигация». Не завершил работу над книгой «Практическое руководство для штурманов», которую закончили его товарищи, посвятив её Готскому. Нагр. орд. Ленина, Отечественной войны I ст. и многими медалями. Его именем назван ледокольно-транспортный дизель-электроход ДВМП.

На снимке: могила Михаила Владимировича Готовского — капитаном ледокола «Москва»,

Женский монастырь

В годы гражданской войны игуменья Руфина попыталась основать на Морском кладбище женский монастырь. Она была настоятельницей женского монастыря в Чердыни, когда вихрь войны подхватил её и перенёс с насиженного места на Дальний Восток. Сначала игуменья поселилась на Седанкинском подворье. Свой кусок хлеба, бывшая настоятельница богатого уральского монастыря, стала зарабатывать мытьём полов и стиркой белья. В студеную зиму 1920 года, она слегла после того, как перестирала в проруби огромный узел белья, и только своевременный приезд её послушницы 19-летней Августы Мичуриной, которая стала ухаживать за игуменьей, подняла её с постели. Епископ Самарский Михаил предложил тогда игуменье Руфине руководить хором в церквушке при архиерейском доме на Седанке и открыть во Владивостоке женскую обитель.

Так, в конце 1920 года в одной из квартир на 7-й Матросской улице было открыто подворье в честь иконы Смоленской Божией Матери Одигрии — Путеводительницы. Помещение было маленькое — всего три крохотные комнатки да кухня, — поэтому отправлялись только всенощные. Но игуменья Руфина не успокоилась, и решила строить во Владивостоке настоящий женский монастырь. Первым делом она отправилась за помощью и советом в контору главного инженера-строителя Владивостокского порта, где ее встретил генерал-майор А.И.Исаков. Он внимательно выслушал игуменью и с ходу предложил взять на 20 лет в безвозмездную аренду четыре десятины Морского кладбища с небольшой церковью Божией Матери Всех Скорбящих Радости. В марте 1920 г. монастырь был торжественно заложен. На время строительства монастыря, 20 монахинь расположились в каральном помещении рядом с кладбищем.

«Энергия матушки, — вспоминала позднее А.Мичурина, — снова развернулась во весь свой богатырский размах. Поместившись в крайней простоте и тесноте, Матушка и сама погрузилась в работу. С трех часов утра, уже находясь на постройке, она вдохновляла сестер на неустанный труд. Закипело дело. Вели сестры хозяйство, смотрели за могилами, помогали в совершении треб, рукодельничали. Благосостояние возникающей Обители росло. Росло и здание будущего монастыря. Оно должно было, по мысли матушки, иметь три этажа. Первый, полуподвальный, предназначался под службы. Второй под жилье, а в третьем должен был помещаться храм. На втором этаже постройка оказалась оборванной событиями: матушке нужно было думать лишь о том, как спастись!»

Еще летом 1922 г. во Владивосток приехал харбинский митрополит Мефодий, который, осмотрев строительство, сказал, как отрезал: — Здесь путного ничего не выйдет! Иерарх предложил игуменье переехать в Харбин. Настоятельница монастыря отказалась, но всё же отправила в Маньчжурию Августу Мичурину, которой поручалось не только организовать сбор средств для строящегося монастыря во Владивостоке, но и приглядеть место для будущего подворья в Харбине.

Когда во Владивосток пришли красные, для игуменьи Руфины начались тяжелые дни. Один из Владивостокских протоиереев предупредил её о том, что подписан документ об аресте монахини, и лишь тогда она засобиравшись в Харбин. Правдами и неправдами она получила разрешение на выезд. Странницей, с узелком и посохом в руках игуменья пришла в Харбин, где она начала строительство другого женского монастыря. Сколько же трудностей ей пришлось вытерпеть на этом пути! Но несокрушимая вера в Бога, преданность идее помогли построить этот монастырь во имя Тихвинской Божьей Матери. Позднее он был переименован в Богородице-Владимирскую женскую обитель.

История с большевиками многому научила игуменью Руфину, и она загодя стала готовить место для будущего отступления. В 1935 г. в Шанхае было открыто отделение Харбинской женской обители. На церемонии открытия игуменья Руфина встретилась с Исаковым, сильно постаревшим, едва передвигавшим ноги. В октябре 1922 г. на пароходе «Взрыватель» он бежал из Владивостока. Работал преподавателем в Сибирском и Хабаровском кадетских корпусах, затем стал учителем математики и физики в Коммерческом училище Русского православного братства.

Заведовать новой обителью стала Августа Александровна Мичурина, которая была пострижена в монахини под именем Ариадна. Она опубликовала несколько работ, посвященных своей настав-

нице, игуменье Руфине, в миру Ольге Семеновне Кошкаревой, которая скончалась в августе 1937 году в возрасте 66 лет. После ее смерти настоятельницей монастыря была назначена игуменья Ариадна. Помня завет своей наставницы, она основала в 1940 году подворье в Сан-Франциско, куда и уехала в 1948 г. вместе с монахинями и послушницами, когда к Шанхаю подошли красные.

В Америке организаторский талант игуменьи Ариадны развернулся во всю силу. В Канаде (провинция Альберта) она основала Покровский скит, где разместились пожилые монахини, которым был закрыт въезд в США. Возрожденная ею Богородице-Владимирская женская обитель была одним из самых благополучных эмигрантских заведений. Она приобрела типографию «Луч» и стала издавать отрывной календарь, а затем купила несколько домов с участками, где поселились монахини.

На протяжении всей жизни игуменья Ариадна вспоминала про свою наставницу и жизнь во Владивостоке. А нам же на память осталось имя горы Монастырской на Морском кладбище, да развалины фундамента под недостроенный монастырь.

На снимке: территория Морского кладбища.

Послесловие

Гришечкин показал нам памятники, которые назвал коротко — «ворованные камни». Когда в тридцатые годы разрушали владивостокские кладбища, то досталось и Морском. Все памятники офицеров и прочих «эксплуататоров» были уничтожены, а мраморные и гранитные монументы были разобраны соседними жителями и использованы для строительства фундаментов домов и прочих хозяйственных нужд, а то и по прямому назначению — для новых могил.

Научно-популярное издание

Хисамутдинов Амир Александрович

«Мир праху твоему, честный труженник»

или

путеводитель по Морскому кладбищу

Технический редактор Е.С. Романова

Компьютерная верстка Е.С. Романова

Подписанно в печать 17. 06. 2016

Формат 60х84 / 8. Усл. печ. л. 5,75. Уч.-изд. л.

Тираж 500 экз. Заказ

Издательство Дальневосточного университета

690091, г. Владивосток, ул. Фонтанная, 47

Отпечатанно типографии

Дирекции публикационной деятельности ДВФУ

690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10

Схема расположения участков кладбища «МОРСКОЕ»

